

Клуб N

Литературный альманах

Москва

Центр поэтической книги (при Русском ПЕН-центре)

2015

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус)-5
К51

Клуб N. *Литературный альманах*. – М.: Центр поэтической книги (при Русском Пен-центре), – 2015. – 128 с. – ил.

ISBN 978-5-9903616-1-4

ISBN 978-5-9904715-1-1

ISBN 978-5-88161-373-0

ISBN 978-5-88161-383-9

В новом выпуске ежегодного литературного альманаха «Клуб N» читатель найдет произведения современных независимых авторов, живущих в разных городах мира – в Москве и Петербурге, Ереване, Иерусалиме и Дортмунде. Ядро альманаха как обычно составили стихи и проза членов Клуба.

Литературный архив – раздел «Эхо» – в этом году большей частью посвящен памяти Ры Никоновой и Сергея Сигея – выдающихся литераторов и художников-авангардистов, недавно ушедших из жизни.

ББК 84(2Рос=Рус)-5

- © Центр поэтической книги (при Русском ПЕН-центре), 2015
- © Михайловская Т.Г., составление, 2015
- © Коллектив авторов, 2015
- © Михайловская Т.Г., Осемян Л.О., обложка, 2015
- © Галечьян В.А. оформление заставок, 2015
- © Осемян Л.О. и др., фотографии, 2015

Компьютерная вёрстка Осемян Л.О.

Сдано в набор 08.02.2015.

Подписано в печать 1.03.2015. Заказ № .

Бумага офсетная. Формат 60х84/16. Объем 8 п.л.

Тираж 250 экз.

Отпечатано в ООО «Астра-Полиграфия»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 33Б, строение 1.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭХО

От публикатора. Татьяна Михайловская.....	7
Ры Никонова. Господи. Кн. 1. Кн. 2. Кн. 3.....	9
Сергей Сигей. Избранные стихи из книги «Formel vor» (2005)	16
Дмитрий Авалиани. Фрагменты из цикла «Человек»	25

ПРИГЛАШЕННЫЕ ГОСТИ

Лариса Березовчук. Язык. Попытка визуального описания	31
Эдуард Вирапян. Риму Феллини. <i>Кинорассказ</i>	38
Александр Лозовой. Восточные коллажи.....	41

СВОЯ ТРАЕКТОРИЯ

Наталья Осипова. Предупреждение. Визуальные объекты.....	49
Валерий Сафранский. Просто сюр какой-то... <i>Стихи разных лет</i>	52
Наталья Кузьмина. Короткие рассказы.....	62
Борис Ванталов. Послание ничему. <i>Стихи. Рис. Б. Констриктора</i>	73
Наталья Юлина. Кот, петух и Богданович. <i>Рассказы и стихи</i>	77
Эсфирь Коблер. Кризис, который всегда со мной... <i>Рассказ</i>	85
Валерий Галечьян. Эволюция.....	88
Елена Твердислова. Мои сипуры. <i>Рассказы</i>	92
Александр Лаврухин. Царицынский выстрел. <i>Графика</i>	110
Татьяна Михайловская. Короче. <i>Рассказы</i>	114
Об авторах.....	125

200

От публикатора

Они познакомились в далеком 1966 году и обнаружили, что смотрят в одну сторону – в сторону Земного Шара с его футуристической игрой звука и линии. С тех пор их жизнь и творчество шли в едином русле. И это был совсем не легкий путь. За пределами узкого круга исследователей имена продолжателей авангардной традиции были – и остаются – практически неизвестны, произведения их не публиковались. Да и сам исторический авангард был жестоко сметен с дороги торжествующего соцреализма.

Имя Ры Никоновой (1942–2014), наверное, самое яркое среди имен авангардных авторов второй половины XX в. Ее музыкальное дарование и образование – она ученица школы Нейгауза – ее художественный и литературный талант, театральное образование – все это сделало ее литератором синтетического характера. Перформансы Ры – сплав слова, театрального жеста, музыкального звучания. Ее разнообразные платформы, визуальные тексты, схемы-построения – все это сохранилось на бумаге, в книгах, изготовленных вручную, в рукописях. Публикаторам раздолье, было бы желанье. Но в основном публикации Ры Никоновой выходили за рубежом. Слава богу, мне удалось составить и выпустить книгу ее драматургии «Слушайте ушами» еще при жизни автора.

Ниже я представляю текст Ры Никоновой «Господи» из своего архива.

Сергей Сигей (1947–2014), замечательный поэт-заумник, наследовавший поэтику Крученых, графические изыскания Бахтерева и многие другие наработки футуристов и обериутов. Ему принадлежат исследования и публикации многих авторов исторического авангарда. Он также написал своего рода воспоминания о развитии авангардного андеграунда 60–70-х годов. Начало этой работе было положено еще в конце 90-х публикацией, которую я подготовила для печати. Стихи Сигея всегда были «не формат» для постсоветских

(о советских говорить не приходится) издателей. В письме, которое я привожу ниже, говорится о книге, вышедшей за рубежом в 2005 году крошечным тиражом. Из стихов этой книги составлена публикация в новом выпуске альманаха.

Кiel 05.12.2013

Дорогая Татьяна Георгиевна –
хотел подписать Вам книжку, которую посылаю,
следующим образом –

Татьяне Михайловской
для возмущения
отвращения
и восхищения –
Сергей Сигей –

но не стал этого делать – уж не знаю почему –
книжка эта вовсе не новая и совсем не избранная –
многие знают ее – но молчат – меня это радует –
еще не устарела –
в последние годы сочинил много новых стихотворений –
придется искать способы печати –
очень не люблю теперь интернет –
мечтаю дружить с латиноамериканскими президентами –
перешедшими на обыкновенные пишмашины –
здесь уже давно не знает никто что это такое –

Ры передает Вам привет –
а я жду новое Ваше издание –
очень приятно, что Вы на презентации читали
мое стихотворение о Бахтерева –
об этом рассказал Констриктор –
самые лучшие пожелания и приветствия –

Сергей Сигей

Мне очень жаль, что новый выпуск альманаха Ры и Сергей не увидят.

Татьяна Михайловская

Анна-Ры Никонова-Таршис (1942-2014)

ГОСПОДИ

Книга первая «Половина корабля»

1. ПЛАТЬЕ ИЗ ЧУВСТВ

А вот и мое сердце. Оно пришло к тебе, господи.

Оно валялось в тени. Так долго.

Лицом к лицу с тобой, господи.

Огненные волосы свои стригу. Возьми.

Каждая виноградинка, как Магдалина.

...Вчера день был зеленый. А сегодня матовый. И вся жизнь моя – словно шевеление мысли.

А в темных углах все красным бархатом прикрыто.

И господин моих дней дышит, обжигая пальцы.

2. В ВАШИХ ВОЛНАХ

1.

В ваших волнах, господи, такие пустынные места.

А вот улыбки псов, обьевших мною.

Господи, так будет вечно?

А в бору на пригорке – крест. Зеленеет крест, и свешиваются с его ветвей

повешенные тобой их плоды.

Мрачная земля, господи, поверь мне.

Трещит земля, господи, как кости под твоим крестом.

Молюсь тебе, господи.

Обойдись со мной по-человечески, господи.

2.

Стучат лица друг о друга. Дни катятся, как волны. Но все как-то обходится.

Не падает мой корабль, несется он по воздуху, как пламя пожара, как косяк журавлей.

3.

Плеск улыбки в светлых очах. Крыс перебегающих усталость.

И с тихой усмешкой в гордой толпе – ты, господи.

Легит моя душа, озаряясь пустотой со всех сторон. И звонкие свисают по краям мира колокольчики, они называются :

«Ах, мой милый Августин...»

Иду я, господи, с красным стеклышком в руке, кругом все такое легкое, летает. А это ангелы твои.

Господи, поговори сегодня со мной, не бросай меня в омут.

Прости мне, господи, завтра то, что я не могу себе сегодня простить.

3. ТЕЛО КНИГ

1.

Укутанные в снег, бегают дети по полянам, и вздрагиваю я, поймав венок в воздухе из голубых незабудок.

Холодно. Бродят по земле полулюди-полукакаду, хохоча. Мелкой сыпью рассыпается их хохот по телу книг.

И луч от незаметного светильника пробивает мрак этот, господи.

2.

Ах, испить бы с твоей руки, господи.

В тишине дупла – громада тени.

Оплакивающая снег душа на тротуаре, под стенами.

И в мыле – пена, как твой храм, господи.

3.

Спотыкается солнце о мою новую обувь, господи.

И падает солнце на мою книгу.

Благослови меня, господи.

4. В ПОЛЕТЕ

1.

Наши души издают вопли, словно в зачумленной избе. И колышутся мраморные прожилки от моих утренних песен.

Далеко уводят пути.

И лимонные стрекозы, разрывая тяжкую паутину, отвлекаются от своего основного дела: от полета.

Господи. Ты создал меня для полета.

2.

Господи, прими эту молитву, как яблоко, как земля принимает лист, не топча его.

Господи, укутай меня твоим ветром.

Господи, удлини меня, разрежь меня и разбросай меня.

Сделай со мной так, как ты сделал с собой, господи.

5. СЕТИ

1.

Как жарко.

Как душно на земле от яростных рыбьих поз.

Так и тыловишь меня, господи.

2.

Снега белая роза одна растет перед домом...

О!..

Когда же утихнет всё...

Не донесу себя до конца, о...

Ведь пни кругом, пни...

Снега белая роза одна растет перед домом...

3.

Твои ветры, Господи, со свистом проходят сквозь меня, не оставляя следов.

И небо видится мне длинное-длинное, высокое-высокое.

6. АМИНЬ

Крутится всё, господи, как ты и предположил в первый день.
И превращаются мои глаза в вино.

Которое ты пьешь, господи.

А душа моя – в пшено, которое едят голуби твои, господи, – люди.

Книга вторая «Люди»

1. ЦВЕТЫ МУСОРА

1.

Ходя по этим иглам, я помню имя твое, господи.

2.

Отчаяние так высоко. Оно, как солнце, освещает мне путь от тебя, господи, и обратно.

Господи, помоги людям выйти на площадь свою терпеливо и возвышенно.

Мы так зябнем, господи.

А твои ритмы так теплы, господи.

3.

Вот и солнце твое.

И ходящие под ним боги наши. Венеры, цветущие в кустах.

Сколько богов, господи.

Сколько в них понимания нас, господи.

Утром какой-то бог бросил мне в корзинку кусок хлеба.

Но любой из этих богов для меня – другой.

Только ты властелин самого себя во мне, господи.

2. ПАЛЬЦЫ ЗАРИ

Она была длиннее водоросли и умерла.

А он утих в мороженой воде под твоим псевдонимом, господи.

А мы, господи, а мы?

3. ПИРУЭТЫ

1.

Всякие па за дырявым занавесом, закрывающим твою бездну,
господи,
всё это прыгает в мозгу, словно мозг — это ветка
с воробьями.

Облики, принимаемые Им, проникают в бутон моего черепа,
заставляя его расцветать раньше времени.

И твоё, господи, тихое слово, стгорая под моим взглядом, как
свеча, освещает собой одни только мои ладони, господи.

2.

Ты сказал: «Берегись меня как снега».
А как это, господи?

3.

В немилосердной дали виднеется имя твоё, господи.
И в чуткой нашей печали и в стволах молчания — ты, господи,
ты.

Книга третья «Дети Сатаны»

1. ЦЕНОЮ СВОЕЙ

1.

Мы, может быть, дети Сатаны, а?
А ты только спасаешь нас, а, господи?
Ценою своею спасаешь нас, а, господи?
А?

2.

Господи, я не нахожу тебя на вершинах гор,
проваливаясь, я не нахожу тебя, господи, и на вершинах нижних
гор.

Неужели ты так мал, что я ношу тебя с собою,
как книгу?

Неужели ты так мал, господи?

3.

Формы твои, господи, носятся в воздухе. Как частицы Его.

И вертишь ты шарманку мироздания, как повар, повторяя меню.

Оглобли твои, намордники, веретёна – это всё растения, господи?

И пергаментное мое лицо – лист всего лишь на стебле твоём?

2. КОПЬЯ

1.

Продавцы кур

мурлыкают, как кошки,

продавая хер.

И колыхание песен свирели твоей, господи,
не достигает меня.

2.

Устремить бы свои нервы, господи, не на эту любовь.

А устремить бы свои нервы,

как копьё,

на душу твою, господи.

3. ВОТ И КОНЕЦ ВОСКРЕСЕНЬЯ

1.

Ниже уровня моря стою я

и слушаю говор.

И честные, как звери, пальцы мои щупают траву твоих мыслей,

господи, не оскудевая в усилиях.

2.

Украшь меня дымом своих пожаров, господи, легкостью своих дождей.

Чирикают воробьи, обещая тихие надежды.

И в предыдущие дни иду я, оглядываясь,

стремясь всё поглотить,

господи.

3.

Мимо телеграфного столба я иду и слышу за собой
шаги твои, господи.

1969

Сергей Сигей

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ ИЗ КНИГИ «FORMEL VOR» (2005)

Серая роза

аморфность психических процессидов
вы говорите капитан на лошади?
разве турки мрут как мухи?
вы говорите шотландцы ходят в юбках?
а как же голые губы?
а вам известно что некто в сером
и есть джина лоллобриджида?
аморфоз
сквозь пургу
гви-у-у-у—зьяв—в-в-в
пробирается желтенький пассажир
динамомашины
вы думаете что все шагают
а мы ползем в пустые вещи
мех рыси издал хрип
анна в черных кружевах
вы любите белое
да и нет
зачем?
у анны нет телефона
у людей есть голос
я не советую вам играть в прятки
ведь вы русалка
а зачем нужны эскизы?
а почему вы рисуете лошадь?
красное желтое синее

переплетаются в сновидениях
рождая электровоз
или серую розу

1966

***

я тревожитель медлитель
я печали словожитель
ители или те
летуныли
изери или лезете
вечуныре

1969

Сохра Велимирникава

времяши камыши
на озере берегу
где камень временем
где время камнем
где на берега где озере
гдевремены гдеменья камыши
на гдеозере бегдереге
священно гдеменьем шумящие гдеши
мыши времяни шыши

1972

***

умирающей кошкой уходя из дому
обратиться в рыбу драгоценнорублевую

и грустно забившись в сети
быть съедобным — участь поэты

когда ж ради красной икры
брюхерцэ взрежут
отдать все слова в пограничные словари
умчалью птицы
в безреба нети

1971

Письмо Виктору

восклицательный знак
многоточек
точка
запятая запятая точка
знак вопроса
вопросительный знак
точка с запятой
апостроф
восклицательный

1971

***

упав павлиньими линиями лени
сочные очень чаны винчаны
пожрать пожара рати
сердец литье цэлительноет цэли
сочные очень чаны винчаны
упав павлиньими линиями лени
сердцэни цэлителей цэдры
хулителя в бездну

1971

***

умерла любовь
осталась истечь
выпускная птичь
но прежде зарядь ружье
живучим толколубем
и стрель
возлетающая тайна
тождеств смертайны
пулепление
совокупления

1972

***

усталь врустальных чальпе
кап
капечаль
поэтоскует
шэдэвраль

1972

***

морезурный кол любели
где мы были
свиристели
гаварили
загарели
как тебе ль
коктебель
?

1972

***

1.
лунаблеска и небраска
синих вод равнина терска

2.
плебеи в Риме
патриции времени

1972

***

чудес людес до
смертаб цветаб за
лунир свинир в
кроведь кровать на

1974

***

проклятие быть перственным
среди безмозженных голов
гонять своей тоски слонов
о не кляни меня за то
что метам печали
да любиндии богов
я отдан странственный
в лаптях венчалей
для торжища торгов

1975

***

О Лунцоль
птирца мирца
умерцоль

1975

***

лирейя
он отразерца
в зрачке сердца

1976

***

деревья
вне людей
среди людей
только
дуревья

1976

***

только в черном толком
человек воскомкан
черепом темнея

1976

Оетербургские посвящения

1.

Памяти Игоря Бахтерева

тоскою цацкой
ночь пыламба ацка
из ныне рима дня
в древнегреков прогулку
ритмы фур фур гоня
бегусто стих левец
балладно прельщал
разбойни ком соловец
царец в Поэзью сходящий

2.

Вадиму Максимова

жизнь пожирает сно
рыдай кальдеро
сон
рон
души зритель
марш в мольер
пока майор
жри любатель
пьерог
мы
театра
творог

3.

Борису Констриктору

дао древнего пера
нео сумрака очес
едет бродит бэ констри
ктор вне кокона три
извле бабочек перель
мозга знойную спираль
мозгарель

4.

Татьяне Никольской

в мочевом пузыре моем нежится твиши
пророчу хвостяк назарейного осла
дымится курица с вишнями
офелии хряп не слышен
в развороченной богиле кресл
развалился дымелый мозг
отдельно валяется череп вина

5.

Памяти Кари Унксовой

встреча с кари на снегу
ты вся
поцелуй на морозе
русь подохла
питер сдох
когда кари
умертвох

6.

Глебу Богомолочу

креп мреп
череп мозга треп
живописи тряп
поэту нежен хлеб
искусству важен глеп

7.

Владимиру Эрлю

мы вместе грызли
непрозрачной поэзии три
тапира вам пир
гарри гри
грабли фри
Бог не скинут
вот и все
1980-2002

Kiel, 05.12.2013

Дорогая Татьяна Георгиевна —
хотел подписать Вам книжку, которую посылаю,
следующим образом —

Татьяне Михайловской
для возмущения
обращения
и восхищения —
Сергей Сигей —

но не стал этого делать — уж не знаю почему —
книжка эта вовсе не новая и совсем не избранная —
многие знают ее — но молчай — меня это
радует — еще не устарела —
в последние годы сочинил много новых стихотворений —
придется искать способы печати —

Дмитрий Авалиани

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ЦИКЛА «ЧЕЛОВЕК»

удались
из дома

УДАЛИСЬ ИЗ ДОМА

ЗАПОМНИ

ЗАПОМНИ

наполеон
надобен
не дуть

НАПОЛЕОН НАДОБЕН НЕ ДУТЬ

ВЬЮГА

ВЬЮГА

ВЬЮГА ВЬЮГА

МОЦАРТ

МОЦАРТ

ВОСТОРГ

ВОСТОРГ

ЛАСТОЧКИ

ЛАСТОЧКИ

ГЕРОИЗМ

ГЕРОИЗМ

ՄԱՅՐՈՆՅԻ

МАРАЗМ

ՄԱՍՏԱ ՂԵՅ

МАССА ГРЕЗ

ՊՅԵԼԻ

КРЕСТ

ՊՈԳՈՍԻ

ПОГОСТ

ԷՅԱ ԱՎԱԻ

ЕВА АДАМ

ԿՅՈՐԵԿ

ТВОРЕЦ

ИЗ ГОРОДА КИДУЭЛЬ

В ДОРОГЕ НА ДУЭЛЬ

СВОБОДА

СВОБОДА

П. ГОГЕН

П. ГОГЕН

КАРМЕН

КАРМЕН

ГОГОЛЬ. Н

ГОГОЛЬ. Н

ИДИОТ

ИДИОТ

приглашенные
Юсти

Лариса Березовчук

ИЗ ЭПИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ «ПАРУСА, И, ЛАТНИКИ»

ЯЗЫК:
ПОПЫТКА ВИЗУАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ

Александр Горнону

Спешу поделиться увиденным, друг мой, спешу!
Стараясь запечатлеть то,
что поймало в тугую вершу
чувства и мысль,
что сдавленный крик выгоняет из глотки,
что воображение забивает в колодки, —
переворошу антресоли, кладовку, стенные шкафы, всё прочее и,
натрудив без меры руки и ноги, найду
исходный набор аналогий.
Не отвергай написанного — это не Fata Morgana, не бзик, не химера.
Такое посмотришь... Короче,
меня сподобили поглядеть на язык.

Язык, но не тот, по которому в виде прыща типун ударит.
И не волапюк для новоявленного хлыща —
он на party'йных тусовках на нём без умолку тараторит.

И не известных —
на все случаи жизни — четыре народно-почвенных слова:
тоже язык — настенно-заборный (письменный) и
пьяно-задорный (устный).

И не «великий, могучий» — его атавистически страждет поэт.
И не мускул артикуляции, который может молитвы творить или
в эйнштейновском жесте миру
немотствием сквернословить. Нет. Я видела то, что
люди зовут LINGUA.

На первый взгляд, всё было похоже на сцену.

Только размеры ее... — не найти архитектора, который бы
спроектировал этот театр,
хоть инженер был бы рад нечто такое построить... Немыслимое,
точно веси фантазии. Но зодчий —
не Бог, чтобы еще один сад Семирамиды повесить для
развлечений
очередной Аспазии.

(Впрочем, проблема масштаба — во мне: «где?» я была и
«какая?» — не знаю.)

Вначале нужно ЕГО облететь.

Выглядит ОН как стеклянная призма,
загадки легким свечением мерцающая издалека.

Грани — гладки.

На их сочленениях швов или шероховатостей кладки — не различить.

Прикасаешься — чуть тепло.

Ударись — провалишься в пустоту, и ничего не болит.

Ты — ничтожен пред НИМ.

ОН — колосс и монолит.

То, что внутри, — таится в прозрачных четырёх треугольниках —
равносторонних линзах: сквозь четыре окошка нам
позволено заглянуть

в этот зал. Каждая грань призмы меняет картину —
как в палатке кривых зеркал.

ОН — великий немой.

Это безмолвие доступно лишь бархатным занавесям
океанских глубин.

Нитка порвется — раздастся миллион орудийных залпов.

Мучает пыткой зудение комара.

Фальшивящим эхом бельканто отзываются спазмы желудочных
колик.

Всего лишь задумается, пейс почёсывая, как вопросом поставить
в тупик, — раввин.

А уже опоздал с ответом священник-католик, едва успев
надеть пуанты

сардонически-лёгкой улыбки.

Гляжу сквозь нижнюю линзу — вовсе не страшно.
Правда, весь мир на ладонь не желающей таять
снежинкой укладывается.
То ли перья жар-птицы, то ли блики солнечных зайчиков
носятся по ветру:
куда не помотришь — везде имён сплошное согласие.
Смирно уселся даже хамелеон, цвет изменяя по регламенту
обстоятельств.
Картина знакома и может радовать уставшего путника.
По желанию и возможности — всем всё доступно и всё — на месте:
вести о краже, о том, как нужен народам, вселенной, Богу закон,
как радостно удивляться, засеивая ниву познания обычными
семенами
простых вопросов, как, узнавая друг друга,
людям дано многогласно мыслить и петь.
Ответ находится сам собою: желанным гостем приходит нежданно.
Здесь изгоняются циркачи, шарлатаны, продающие умную вошь
— ложь:
они публично избиваются указующей тростью истины.
Здесь человек забрасывает в мир сеть, где узлами-ячейками
смотрят глаза,
дар наречения с благоговением принимая.
В царстве выбора жизнь — стихия подвигов и агогики.
Иных наград мироздание не имеет. Оно, распевая
«In nomine Dominum»,
под хоругвями логики идет на парад.

Мой взгляд разворачивает — иначе и выше.
Снарядом из ложки баллисты начинаю облёт призмы по кругу.
Лицом — в прозрачный лёд ударяюсь:
неужто попала на вернисаж импрессионистов? «Ист» — хитрый лис:
замечает следы поступков хвостом профессии.
«Истов» — в жажде смотреть на себя в зеркало и в отражении
плюнуть дальше,
чем это — на самом деле — возможно.
Общая неразличимость игривой рыбой скользит. Точность утрачена.

эстетику антропофагии пророчили ее любострастные зовы),
коль наш язык сквозь эту линзу таков.

Быть не может того!

Здесь поработала какая-то страшная магия.

С другой стороны – гигантский завод.

Он распростёрт в бесчисленных троичных пространствах.

Мир, доступный мысли и глазу, в плен взяла технология:

умение ставить на всё, что угодно, – печати.

Видимое вроде знакомо, привычно: обычные люди, страны,
живность,

проблемы. Они в протяжённости резиною тянутся и время
на себе – точно груз на телеге – усталой клячей везут. Но есть и
нечто условное, зрению оно не всегда доступно, хоть пуповиной
привязано ко всему: так штемпелю на конверте

нужна нежная ручка почтовой барышни, чтобы в злости
пешкой ударила,

знак наличия проставляя.

Или как скотовод раскалённой болванкой стадо метит:

безразлично – упитанное или кожа да кости.

Незримое – словно палач

на лобном месте – кого-нибудь, что-нибудь метит. На всём есть тавро:

клеймление – здесь основная профессия. На производстве

падшим ангелом, распластавшим в бесконечности крылья,

в три смены трудится ОТК. Сущее здесь –

раб. Начальствует госпожа-семиотика. В царстве

технологии скуден досуг.

Куда глаз не кинь, на всемирном заводе

развлекаются все одинаково – в цирке прыжков: из условности

в достоверность –

туда и обратно. Развращаются тайно:

ночью плавают в ватной водичке треугольных озёр, испытывая

почти наркотическое

головокружение от потери смысла. Фотограф навёл объектив,

и птичка вылетела в другом мире, а в третьем свила

на плёнке гнездо. С пространственной абракадабры

пятна непостижимости иногда смывают

швабрами необходимости: очевидностью трут, трут, трут...
В трехпалый спрут
превратился завод-язык.

От невесёлой картины
отворачиваюсь. Обидно,
тоскливо стало — здоровому любопытству дали отвод. Так мне
и нужно:
хотела много, да получила — как полагается — мало.

В последнюю линзу гляжу, пытаюсь
охватить невнятную панораму. —
Дымится пейзаж — сколько оку возможно — простирается
до горизонта сумерек, которым не видно конца.
Никого.
Ничего.
Нет.
Нигде. (И — кажется)
Никогда.
Не было. (И — опять кажется)
Не будет.
Да что же это... Муть какая-то плавает, помавая хвостами...
Куда подевался язык?
Зрение напрягаю...
Везде пустота: безлюдье на карнавале у вечности.
Только всплески невидимых крыл или рук. В серовой эмульсии
разведённого молока
материей угасает мысль,
язвами покрывается чувство,
тонет карбункул существования. Присматриваюсь: издалека
тенью движения медленно кувырывается... полупрозрачный гомункул.
Вращения — словно в водной утробе матери или
в невесомости космической станции.
Они на Земле невозможны — живое надело гравитации
свинцовые роботы.
А вот ещё такие же: несколько прямо ко мне плывут.
Разглядываю изо всех глаз... Боже!..

В животиках у зародышей есть ведь всё: звери, растения, страны,
народы и времена —

внутри гомункула пребывают.

Они беременны мирозданием? Или в чревах

не родившихся ещё на свет

кто-то устроил тюрьму? Вдруг

два невероятных создания в полном молчании спшиблись телами —

влипли друг в друга

объедками с пира. Ну, думаю,

час пришел «Dies Irae» петь тому, что внутри (на полном серьёзе,
без стёба).

И вижу... обратное размноженью амёбы:

там — простейшее — делится,

здесь — сверхсложное — сочетается.

Нет катастроф, нет взрывов. Только со всхлипом

уменьшается число миров,

сжимается шагреновой кожей вокабул. А дальше уже —

глядишь, один гомункул поплыл.

Душит крик: невозможно — ведь это — язык! Не гол, забытый
командой «ничто»

в пустые ворота жизни. Наверное,

голкипер с ума сошел... Понимать начинаю:

видела аннигиляцию

превращенного в символ слова

по условиям ритуала тризны.

Мой друг, насмотревшись таких страстей,

в кино теперь долго ходить не буду: здесь тебе было вместе всё —
мистика, триллеры, комедии и мелодрамы.

Так что, пусть нас приключения рыцарей LINGUAстана

вином не пьянят. Отдыхать,

работать спокойней у мамы на даче.

И хоть печь языка сулит горячий румянец

калачей говорливости, —

лучше умолкнуть, вече не собирая. Может тогда —

под вечер —

удостоимся заслужить

дар онемевшей речи.

Эдуард Вирапян

РИМУ ФЕЛЛИНИ

кинорассказ

К одной из церквей, расположенных в черте Еревана, подъехала обычная легковая иномарка, остановилась. Утреннее богослужение подходило к концу. Кроме водителя, пассажиров в автомобиле не было.

На вид мужчине можно было дать лет пятьдесят. Выглядел он беспокойно: не убрав руки с руля, так ухватился за него, будто не хотел покидать своего места. Он подождал, пока прихожане стали выходить из церкви и расходиться, и когда все уже разошлись, мужчина резко вышел из автомобиля и направился к церкви. У порога он остановился, перекрестился, открыв дверь, придержал ее, как бы обдумывая еще раз – войти или нет, потом вошел.

Настоятель находился в это время у алтаря и давал поручения послушнику, чтобы простившись с ним до вечерней службы, уйти. На шум открывшейся двери настоятель, отвернувшись от послушника, посмотрел на входившего. Мужчина вошел и остановился.

Настоятель обратился к нему:

– Если вы ко мне, то, пожалуйста, поторопитесь, я спешу на отпевание, меня ждут.

– К вам, – уверенно ответил мужчина, твердой походкой идя к нему.

Остановившись перед настоятелем, мужчина поздоровался, и приготовился говорить, как вдруг на него нашла растерянность, и он не мог решить, с чего начать. Но все-таки что-то внутри подтолкнуло его, и он обратился к священнику с такими словами:

– Святой отец, я портной, но немного пишу для себя. Родился я и все время живу в этом городе, где бесконечно спорят, какой он на самом деле: самый обычный или самый необычный, на что никто не может дать правильный ответ. Но я хочу его найти. Поэтому, хотя

люди начинают утро с молитвы, с ссор, с сочетания с женой или не с женой, с других известных, мало известных, вовсе неизвестных вещей, я уже достаточно долгое время начинаю утро с одного и того же: то с полного, то с частичного просмотра «Рима» Феллини...

Настоятель прервал говорившего: — Я плохо расслышал, что вы смотрите?

Мужчина повторил: — «Рим» Феллини.

— Имеет ли это отношение к вере, тем более христианской? — поинтересовался настоятель.

— Это имеет отношение ко всему, — разъяснил мужчина.

— Ко всему имеет отношение Бог, — поправил его настоятель.

— Так учит церковь. Продолжайте.

— Продолжаю, — подчинился мужчина. — Не могу сказать, когда у меня это началось. Но ведь когда-то началось?

— Все когда-то начинается и когда-то кончается. Правда, я еще не могу понять, о чем Вы говорите? — настоятель с недоумением смотрел на него.

Мужчина согласился с его словами: — Вот и я о том же, что все когда-то начинается и когда-то кончается. Только я пришел спросить не о том, когда началось, а о том, когда закончится?

— Вы правильно сделали, сын мой, что пришли, — успокоил его настоятель и потом виновато добавил: — Можно немного покороче, я вам говорил: меня ждут на отпевании.

Мужчина заволновался и поспешил исполнить:

— Сейчас покороче. Так вот, уже достаточно долгое время каждое утро я начинаю с полного или частичного просмотра «Рима» Феллини. Я хотел научиться лишь одному: и для нашего города найти что-нибудь такое, чтобы можно было этим тоже гордиться. Страсть желаемого не покидала меня, но все никак не получалось этого придумать. Я уже потерял надежду найти то, что искал, когда вдруг оно пришло, и я наконец обрел слова, которые все выражают. Мне неловко говорить, как это произошло, поэтому я не могу не спросить: могу ли я и об этом сказать?

— Можете, — разрешил настоятель, — между нами не должно остаться недосказанности.

Мужчина вытянулся, собрался, признался:

— Я был в это время с женщиной. Это не была моя жена, с

женщиной я познакомился за неделю до этого, мы были в ее доме, в постели.

– Искренний разговор в лоне церкви помогает слушающему подсказать верное решение обратившемуся к нему, – привычно успокоил его настоятель.

Мужчина явно хотел получить подтверждение, так ли он понял:

– Значит, я прощен? Пусть даже не там, где должно, те слова посетили меня?

– Порой ненужное тоже двигает нужное, – терпеливо пояснил настоятель.

Мужчина остался не совсем доволен:

– Да, конечно, но я не за этим пришел сюда.

– Неважно, зачем вы пришли сюда, важно, с чем вы отсюда уйдете, – отвечал настоятель.

Его ответ понравился мужчине:

– Святой отец, это истинно правда: неважно, зачем я пришел сюда, важно, с чем я отсюда уйду. Потому что теперь, когда я нашел те слова, которые так долго искал, мне кажется, что они мне не нужны, они разрушающи. Но может быть, ни об одном городе не придумано таких удачных слов, поэтому я хочу, чтоб вы решили, оставить мне эти слова или нет.

Настоятель платком вытер пот на лбу и, продолжая держать платок в руке, устало попросил:

– Произнесите же мне эти слова.

Мужчина выпрямился, лицо его сделалось очень серьезным, и он произнес:

– На этих начинающих и завершающих всё словах всё построено: **Я ИЗ ПЛОТИ И КРОВИ ЭТОГО ГОРОДА И ВСЕХ ЕГО БЕД.**

Настоятель молчал, уставившись в лицо мужчины. Наконец тот не выдержал и осторожно спросил:

– Нет?

Настоятель покачал головой:

– Этот город не любит, когда вспоминают о его бедах. Идите придумайте что-нибудь попроще, тогда и мне будет легче найти ответ.

Мужчина медленно повернулся к настоятелю спиной, поплелся к выходу. Когда он был уже у двери, настоятель поднял руку и осенил его крестом.

Александр Лозовой

ВОСТОЧНЫЕ КОЛЛАЖИ

ЗОЛОТОЕ РУНО

Мы со старшим братом жили в большом родительском доме. У него своя семья, у меня своя. Наше село находилось вблизи города. Как-то брат читал книгу о Древней Греции и наткнулся на историю с золотым руном. Его это очень взволновало. Дело в том, что местность, в которой мы жили, называется Колхидой, и события, связанные с золотым руном, происходили именно здесь.

— Как ты думаешь, не спрятано ли у нас в горах ещё одно золотое руно? — спросил меня брат.

— Если оно там было, то его давно уже нашли, — ответил я.

Но мысль о руне не давала брату покоя. Он перестал заниматься нашим общим подсобным хозяйством, а оно у нас большое, и погружился в изучение книг. В нашем городе книг по этому вопросу ему не доставало, и тогда он отправился в столицу.

Всю сельскую работу я взвалил на себя. Чего не сделаешь ради родного брата!

В столице брат пробыл несколько месяцев. Как он рассказал, работал в библиотеках, но ни с кем из специалистов не советовался, не обращался с вопросами, боясь, что ему перейдут дорогу.

Выяснил он следующее: в одной из речек в Колхиде, а их всего четыре, Язон нашёл золотой песок. Добывал он золото следующим способом: взял овечью шкуру, елозил шерстью по речному дну. Затем перевернул и стал намывать на неё песок. Потом песок смыл. И так проделал десять раз. На шкуре, в меху застряли самые тяжёлые песчинки. Когда Язон положил шкуру на солнце, она засверкала золотыми искорками. Это было чистое золото. Затем Язон высушил шкуру, разрезал её на куски и запалил в жаровне.

Шкура целиком сгорела. Язон налил в жаровню воды, вымыл пепел. На дне остались крупинки золота.

В речке золота оказалось много. Язон с приятелями намыли его столько, что змоги отлить из золота овечью шкуру. Они были язычниками и в благодарность овце сделали такую шкуру. Отсюда и происходит название *золотое руно* – по способу добычи золота и по отлитой из него шкуре.

Брат вознамерился искать золото в этих речках. Я считал это ничёмным занятием. У нас с ним много земли, растут мандарины, мы их выращиваем и продаём. На вырученные деньги мы покупаем необходимое, в том числе и золото. Но чего не сделаешь ради родного брата! Я отнёсся к нему снисходительно и сельскохозяйственную работу опять один тащил на себе.

Был разгар лета. Брат купил овечьи шкуры. Как-то поутру брат вышел из дома с одной из них. На какую именно он идёт речку, мне не сказал. А я беспокоился за брата: вдруг что с ним случится, где тогда его искать?

К вечеру он вернулся раздосадованный и мокрый.

– Там скалистый каньон, а ниже по течению одна галька, – только и сказал он мне.

На следующий день повторилась та же история, но брат произнёс:

– На этой речке большие глыбы, валуны и перекааты воды. Искать там невозможно.

На третий день я предположил, куда он отправится. Там произошёл ранее обвал, упавшая скала перегородила русло речки, и образовалось озеро. Даже если именно там Язон нашёл золото, то оно уже глубоко под водой. Мои прогнозы сбылись, и брат опять вернулся ни с чем.

Оставалась ещё только одна речка. Конечно, на месте брата я начал бы именно с неё. Она протекает вдали от селений, поэтому воду из неё берут в городской водопровод. Русло во многих местах песчаное и с отмелями. По моим расчётам теперь брат отправится именно туда.

К вечеру он вернулся с мокрой шкурой. Даже при электрическом свете она переливалась золотыми блёстками. Но брат не сказал мне, где он был.

В течение следующего дня шкура сохла на солнце при тридцатипятиградусной жаре.

К вечеру в глубине сада, чтобы нас никто не видел, мы развели костёр, взяли огромную сковороду, поставили её на огонь, изрубили шкуру и испекли её.

Я всегда очень заботился о брате, поэтому заранее приготовил аптечные весы. Мы промыли оставшийся на сковороде золотистый песок и взвесили его. Получилось ровно десять граммов.

Брат насыпал песок в маленький полиэтиленовый пакетик и положил себе в карман. Ночью он вышел из дома и на другом конце сада прикопал пакетик под большим старым мандарином, который посадил ещё наш отец. Он не сказал мне об этом, а зря. Ведь с каждым из нас может что-нибудь да произойти, и тогда этот маленький клад исчезнет бесследно. Поэтому мне на всякий случай пришлось проследить за братом.

На следующий день брат снова ушёл на речку и вернулся с блестящей шкурой. Опять день шкура сохла. Из пепла удалось извлечь снова ровно десять граммов. Видимо, шкура никак не хотела вбирать в себя больше золотого песка.

И ещё два раза повторилась та же самая история. Ровно десять граммов со шкуры и ни граммом больше. Но брат так и не сказал мне про речку и место, где был. И ночами опять закапывал пакетики.

Брат планировал: «Уже есть сорок граммов золота. За десять вылазок я намою сто граммов».

Он был явно непрактичный человек. Это можно было сделать быстрее. В тот день, когда шкура сохнет, идти на речку с новой шкурой и ходить с двумя шкурами. Или же брат боялся, что в его отсутствие золото с высохшей шкуры соберу я?

Все пакетики под мандарином этой ночью брат пересыпал в один.

Я всегда считал, что он берётся не за своё дело. Ведь можно зарабатывать честным трудом, быть откровенным с близкими, делиться с ними. Но ведь он мой брат. И чтобы он не подумал обо мне дурного, ничего зря не заподозрил, я подарил ему баранью шкуру.

На утро брат с этой шкурой вышел из дома. Я тоже ушёл вроде бы как по своим делам, но вернулся с мокрой бараньей шкурой. К ночи жена и дети брата встревожились его отсутствием, а утром уже запаниковали. Сообщили об исчезновении в милицию.

Никто не знал, где искать брата. Про золото и речки я ничего не сообщил – ведь это же наше семейное дело.

Так он и не нашёлся до сих пор.

Неправду говорят, что на Кавказе особенно любят золото. Его обожают во всём мире.

Я теперь точно знаю то место, где брат намывал золото.

Я прикинул, что за сто дней намою килограмм золота и плюс ещё те сорок граммов, что намыл брат с овечьих, и пятнадцать граммов в свой последний день с бараньей шкуры.

А в дальнейшем я смогу собрать золота больше, чем сам Язон. Потом я продам золото дантисту, а на вырученные деньги куплю золота. А вообще нужно попробовать козлиную шкуру. Вдруг она будет собирать больше, чем баранья, – по двадцать граммов.

Через небольшой промежуток времени.

Я всегда считал, что брат взялся не за своё дело. И из-за этого зазря сгинул. И грех на свою душу я взял совершенно напрасно. В речке оказалось не золото, а медный песок.

КОНСКИЙ ХВОСТ

Эта история произошла в большом кавказском селе. Две многодетные семьи и одиноко живущий крестьянин, соседи, поссорились из-за межи. Земли у всех было достаточно, но как это обычно бывает, спор возник из-за нескольких метров, где сходились все три участка. Никто не хотел уступать. Ссылались на границы своих предков. Рядом находился общий колодец, но на воду никто не посягал.

С жалобами к сельским властям не обратились, так как понимали, что будут лишние затраты, а дело вряд ли сдвинется. Спор оставался неразрешённым, и как будто конфликт затих.

Но через некоторое время в одной из семей стали пухнуть дети, да и взрослые почувствовали себя неважно. Третьего участника спора – крестьянина (дети его жили в соседнем городе) стало то бросать в жар, то знобить от холода, в общем лихорадило.

И одним утром глава многодетной семьи, предполагая, что их сглазили, пошел за советом к знахарке, которая считалась еще и колдуньей и жила на другом конце села. Знахарка сказала ему,

чтобы он пришел вечером, а сама отправилась в село разузнать о подробностях конфликта, о котором уже краем уха слыжала.

В практике знахарки бывали такие случаи, и она вечером безапелляционно заявила:

— Вам надо сменить воду! Здешняя вода вашей семье не подходит.

— Как же, всем другим подходит, а нам нет?

— Если хотите остаться живыми, то срочно переезжайте к родственникам. Продадите этот дом и купите другой в новом месте. И делайте это как можно скорее!

Для сельских жителей очень тяжело переезжать с насиженного места, но делать было нечего, и они переселились к родственникам в село по соседству. Там все недуги как рукой сняло.

А крестьянина дети уговорили лечь в городскую больницу. Там через неделю лихорадка прекратилась. Врачи обследовали его и нашли уйму всяких болезней, назначили лекарства и выписали из больницы.

Через неделю после возвращения крестьянина опять начало лихорадить, но он обратил внимание, что оставшиеся соседи не берут воду из их общего колодца. А потом заметил, что они ходят за водой значительно дальше, в другую сторону к роднику.

Заподозрив неладное с водой, крестьянин процедил ее через марлю, на которой остались мелко нарезанные занозы-волоски. Сами по себе в воде они были незаметны, но на марле они были ясно видны. На то он и был крестьянином, что сразу определил — это тонко нарезанные занозы из конского хвоста.

Эти волоски длиной не более двух миллиметров впивались человеку в кишечник, и, видимо, при длительном пользовании такой водой наступала смерть.

И крестьянин пошел на хитрость. Он продолжал черпать воду из колодца на глазах у соседей, а они продолжали недоумевать, почему он еще до сих пор жив или, по крайней мере, не в больнице.

Волосков в колодце оказалось много. При взбалтывании воды ведром волоски со стенок и со дна попадали в него. Может быть, соседи изрезали и не один конский хвост. Крестьянин же продолжал процеживать воду через марлю и вату и жил назло соседям.

свои

траектория

Наталья Осипова

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Первоначально объекты из соленого теста, гвоздей и других мелких железок я слепила для психологической игры с подростками. В шуточной форме эти объекты предлагались как нерасшифрованные археологические находки. Их нужно было разгадывать, истолковывать, используя всю свою фантазию.

Объекты обжигались в духовом шкафу и надолго сохраняли запах свежего хлеба.

Некоторые гвозди и другие железки, пошедшие на их изготовление, долго хранились у меня дома в хозяйственных целях, некоторые из них я помню с детства.

Подростки, расшифровывая «надписи», предлагали разные идеи, например, воображали, что видят на табличках карты и указания для искателей сокровищ. Один молодой человек предложил считать эти «тексты» законами против изнасилования, и в частности законами против изнасилования крупного рогатого скота, и другие участники группы весело его поддержали.

Затем в галерее «Спайдер и Маус» была устроена выставка этих моих объектов из соленого теста вместе с работами лондонской художницы Франчески, которая делала объекты в виде банок.

Выставка длилась около недели, объекты пришлось оставить в галерее на ночь. И в первую же ночь некоторые экспонаты были съедены обитавшей в галерее четой крыс: Нероном и Попшеей.

«Так аккуратно обглодали» — сказал мне наутро Игорь Иогансон.

«Так красиво лежали на полу» — сказала Марина Перчихина про разбросанные под столом крысами гвозди.

К счастью, все гвозди оказались тогда в целости и сохранности, а значит, крысы остались живы.

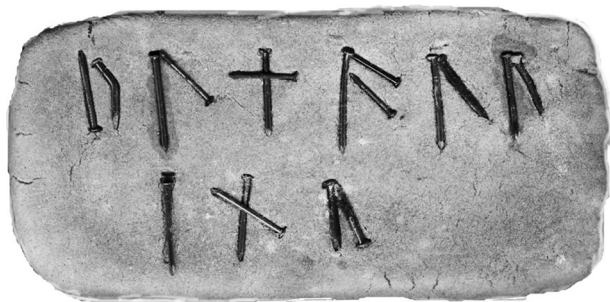
Пришлось спешно, пусть без прежнего вдохновения, сделать все заново.

Оказалось, что днем на выставке надо дежурить, встречать посетителей. Мы с Франческой дежурили по очереди. Посетителей было не очень много, приходили обычно знакомые люди.

Из не знакомых мне посетителей заходил, кажется, только Вячеслав Курицын.

В один из вечеров приходил читать стихи Герман Лукомников, и было немало слушателей.

После выставки Марина Перчихина объекты отсканировала, за что я ей очень благодарна: именно эти файлы воспроизводит настоящее издание. Оригиналы после завершения выставки были раздарены.

Валерий Сафранский

ПРОСТО СЮР КАКОЙ-ТО...

начало семидесятых
дежурная смена стартовой батареи ракетного полка на построении.
один залп этой дивизии и Великобритания на уровне моря. пьяны почти
все. кто-то даже пытается выпасть из строя. самоволка удалась.

оборонное предприятие в Москве. детали к авиационным моторам
гонят с откровенным браком. молодой наивный как утренняя
роса комсомолец пытается бороться со злом. борьба заканчивается
строгой нахлобучкой от партсекретаря. открывает что в «светлое
будущее» этажами выше не верит никто.

самый идеологический факультет МГУ. преподавательница и
студент страстно целуются среди бела дня на факультетской
лестнице. выгнать с треском могут обоих. «просто сюр какой-то»
радуются они своей наглости.

он дарил ей свои правильные глупые ямбы. она радостно хвалила
его слабенькие экзерсисы и ласково советовала попробовать себя в
прозе. что мне для тебя написать спросил он. дорогой что-нибудь
этакое сюрное.

восьмидесятые. жизнь множилась и умножалась. изменялись
пространства но не времена. в какой-то момент в мозаике осколков
реальности пытаться увидеть некое целое и его смыслы совсем
потеряло смысл.

писать «правильно» приводило ко лжи. совершенно свободный стих
рвался наружу показывая может и нелепую но правду.

в какой-то момент нечто «сюрное» он (в смысле я) и начал писать. не очень ещё понимая что. но получалось как-то уже без вранья и забавно.

Бретона у нас ещё не было а сюр был. потом пришло: «...принялись марать бумагу с полным безразличием к тому, что из этого может получиться в литературном отношении. Остальное довершила сама легкость исполнения.» /«Манифест сюрреализма.»/ в самом деле. контакты с реальность стали более адекватными. словом сначала моё сознание погрузилось в сюр. только потом стала известна теория. идеи и времена наложились друг на друга.

признание пришло по законам метода. после чтения на хабаровском краевом семинаре молодых литераторов «хожмы» и т. п. на меня завели дело в местном КГБ. не написал ни одного политического текста а какая высокая оценка.

собственно и дальше не менялось ничего. и не меняется. то сюрреалистично плачется то сюрреалистично хихикается. а сюрреалистические трагедии легко могут со временем оборачиваться в смешное и анекдотичное.

/В. С. Из не написанного ещё эссе «Мой метод выживания».
Тексты из разных лет прилагаются.../

Стансы

Не
заменяемость
взаимо
заменяемых
Не
соответствие
со
ответственных
Отсутствие «измов»
у всех реализмов
Процессы – в процессиях

Мильоны – в кулонах
Гамлет выбрал:
«Буду Полонием
хорошая
это
профессия»
Имеющий уши
носит «беруши»
Имеющий глотку
не хочет чахотки
Мухи мшелые машут махалами
Мшелые мыши
мигают моргалами
Мшелый миша
мшелой маше
машет
мертвой
мышью

Сюр
реальность
соц
действительности
при полном моем
попустительстве

хохма
(скерцо)

шило мыло пиво
из куля в рогожу
километры мыло
миллиметры кожа
вижу уходила
песню заводила
била терла мыла
все же уходила

километры мыло
миллиметры кожа
пило мыло пиво
пили с чайных ложек
бедрa груди ноги
поперек дороги
стельки пропотели
пахнут невозможно
километры мыло
миллиметры кожа
вроде жили были
спали ели пили
ты меня забыла
снова возвращалась
снова уходила
песню заводила
не переводила
просто заводила
а часы без стрелок
раненное чудо
шудо лудо гудо
перезапеаудо
миллиметры кожи
мыла много
худо

Праздник

Звон огней
фейерверки хрустящие
хмельной плеск нарядной толпы
настроенье
лилово-оранжевое
под влиянием сей суеты
На бутылке наклейка красивая
патефон изрекает блюз
от иЗгибов твоих веет силою

но иЗгибов твоих не боюсь
Мне бы взять отравиться чернилами и
под сень санаторских груш
или
ила
наестся
в Ниле (?) или
(вдруг) отросли бы крылья
или просто
в холодный душ
чтоб отмыло меня
чтоб промыло
Подари мне милая
мыло
чтобы
мыло

***

химеры бродят из угла в угол
моей немой комнаты
временный жилец
извечные химеры
химерические
«маразм крепчает»
    все трудоспособное население движется на субботник
по истреблению
    одиночества с гиканьем и свистом
    девятого вала
девчонка не хочет со мной спать
девчонка ищет константу
физик ищет константу ядерной совместимости
лирик ищет константу успеха
жрецы нашли все
хранят и хоронят
население валит на субботник
я живу в чужой комнате
по которой бродят химеры

плюнуть что ли красное словцо
на асфальт чьего-то злорадства
приятель пишет из дружественной заграницы
«в голове тошнит»
знаменитый поэт перед гастрольями заграницей
завещает рецепт гармонии: «уберите Ленина с денег!»

разлюли-малина по А. Вознесенскому
сверхзадача
изготовить посмертный автопортрет
на фоне завернутого знамени
вдоль позвоночника
слева
поселился некто
чувствует себя хозяином
не то что я
в этой комнате
да и химеры собственно не мои
лиловые брызги на свежесмытой стене
да меня-то тут нету

Длинношее

Вы видели наше
наташаплюссаша
шагает Наташа а
рядом с ней Саша
в майке в часах и
при галстукке также
сереет Ната
шапагает за Сашей
в отблесках розовых
движется Саша
в
бледную синь
наташаплюссаша
ДВИжется

движжжется
дввиижжется

бледносинеесолнце за ним
двви-и-ижжется

классический натюрморт

кусок зеленой тоски колбасно
лежит на алом блюде любви

салатового цвета кабачок с мечтами
подсолнуховая горсточка шелухи выполненных планов
разрисованные неприличными словами пасхальные яйца первых
брачных
ночей
засохшая веточка новогодней елки
память о чем-то
чего возможно
не было но
память
о детстве возможно

ну и конечно череп
золотой рыбки
напоминает о бренности
не тела
но души
здоровенной тетки с отвисшими грудями
и улыбкой Моны Лизы дель Джокондо

свеча на телевизоре

кот из-под дивана
гнушно сверкает желтым глазом

«спокойной ночи малыши!»

жена уже тридцать четыре минуты идет из прихожей
а лужа горячего парафина
карабкается вверх по полировке

замершее в плавном движении бедро жены напоминает бег
огромного стада ископаемых антилоп
время горячими каплями стекает с телевизора и притворяется
лужей
парафина
ты не знаешь когда наконец достроят стену — говорит жена
проплывая
в отдалении —
смотри
свечу вот-вот задует

зима по старому стилю

в канун очередного зимнего торжества
она подарила ему аппарат для измерения давления
целую милый
пропела она
уехав с мужем на рынок закупать продукты к празднику
поразглядывав себя в разных зеркалах он решил
психопат
точно
но до шизофрении ещё далеко
дарёный перстень-талисман был сброшен с пальца и
покатился под диван
замер у ног полузасохшей мумии
чьей-то забытой души
лежащей там с прошлого Нового Года
здравствуй Старый Новый Год!
всхлипнула неубранная ёлочка и
отправилась на помойку
старые немецкие часы перестали верить в прошлое и
снова пошли

на календаре появилась правдивая дата
зимнее холодное солнце
заиграло на красных черепичных крышах
щедро усыпанных голубоватым инеем
последняя рождественская игрушка подумал он и послал мыс-
ленный привет скованной холодом Родине страстно предающейся
подлёдному лову тостов за скорое счастливое будущее
да будьте вы наконец уже все!..
.....
попытка сойти с ума не удалась

кривые зеркала

а что бы вы сказали
вы и так не баскетболист
а оно вас в метр-двадцать плющит
вполне себе благообразную лысину
превращает в ирокеза всех цветов радуги
шрам на груди
а ему это
неопрятного вида родинка
и уж боже мой
откуда такая задница
когда вы ещё в джинсы «слим» вмяцаетесь

разбил я вчера это наглое брехливое зеркало
категорично от души
все аккуратно осколочки в совочек и
на хер
на помойку т. е.
лёг спать в сладких мечтаниях об адекватном симпатичном себе

утром
оказалось
квартира стала меньше
(как никак зеркало увеличивает пространство)

переживем
убираться меньше

через недельку
мир явно сузился
до размеров квартирки а
немногочисленные стены с
сувенирами разных жизней

оказались
зеркалами
все
разные
каждое врёт на свой манер
каждое изображает
что-то напоминает
некие
отдельные
меня
части

а целого Меня где

весёлая бессмыслица

комнаты смеха

смейся паяц

Наталия Кузьмина

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

СЛУЧАЙ В ГОЛУБОЙ БУХТЕ

– Ну вот, – сказал Семен Иоаныч и положил на круглый стол перед нашими носами прибор для измерения пульсаций температуры в верхнем слое океана, – сейчас разберем и рассмотрим датчик.

Семен Иоаныч был не только начальником нашей студенческой практики, но и заметным ученым-океанологом.

– Ага, – сказал Сухов и, взяв отвертку, стукнул по прибору. Тотчас от прибора отлетела гайка и ударила меня по лбу.

– Нехорошо так с дамами, Сухов, – заметил Семен Иоаныч.

– С женщинами, – поправил Сухов.

– Она не женщина! – закричал Витек, мой ухажер.

– А кто же? – заволновалась я.

– Барышня, – рявкнул Витек и ударил Сухова кулаком в нос.

– Ну, какая я барышня, – смутилась я. – Я просто океанолог, – последнее слово произнеслось отчетливо, но со всею скромностью.

– Она еще и дура, – неожиданно для себя и других проговорился Семен Иоаныч, но, спохватившись, добавил: – Все мы океанологи.

Однако было уже поздно. Солнце, выскочившее из-за горизонта, осветило желто-оранжевым брюшком Голубую бухту, Черное море, еще подрагивающее в полусне. Мы осознали, что пребываем в плену магнолий и каждая секунда, проведенная вне пляжа и плесканий в прозрачной воде, может доказать лишь безнадегу нашей будущей жизни.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

– Делая раскопки в Сибири, – начал профессор, периодически потирая ладонью правой руки грудь и шею, которые были обтянуты необычной водолазкой, по цвету и текстуре похожей на брюхо крокодила, – мы нашли цивилизацию, о которой никто не упоминал ранее.

Я понимающе кивала, рассматривая сверкающий пол в зале, выложенный красным гранитом.

– Видите ли, найденные нами люди ничем не отличались от современных homo sapiens. Аналогия доходит просто до курьеза. Женщины одевались так же. Те же шубки из голубой норки, шиншиллы, чернобурки. Да, да, умели шить, кроить, не хуже нынешних модельеров. Просто в голове не укладывается. Но главное, поверх шуб женщины надевали бычьи пузыри. От этого они приобретали космический, обтекаемый вид и убойную силу.

Я недоуменно посмотрела на профессора – врет ведь.

– Вы мне не верите? Действительно в это трудно поверить. Но вот взгляните. Пройдемте к гробнице.

Я взглянула в гробницу. Там лежала, закрыв глаза, Варвара Семеновна из планового отдела в своей норковой шубке и бриллиантовых серьгах. «Вот ведь, – подумалось мне, – напилась бражки и залегла в самую сердцевину ценного экспоната».

– А зачем Варвара Семеновна залезла в гробницу? – возмущилась я.

– Что вы, – сказал профессор, – это верховная жрица Тытам-Арим.

– Как, как?

– Тытам-Арим, – повторил профессор.

– А почему в норковой шубке из хвостиков?

– Не знаю, – пожал плечами профессор и шепотом добавил, – вассалы-предатели.

– А бычий пузырь где?

– Мы сняли, – смутился он, – для опытов, – и нервно погладил необычную водолазку, тесно облегающую его грудь и шею.

Я недоверчиво вздохнула и опять начала рассматривать сверкающий пол в зале.

– Вы не верите? – изогнувшись, заглянул мне в глаза профессор.

Я молчала.

– А давайте проверим.

Он вынул из кармана травинку и пощекотал Варваре Семеновне нос.

– Надо делать это осторожно, – пояснил профессор, – Тытам-Арим может рассыпаться.

Неожиданно Варвара Семеновна чихнула, села в гробнице, как в корыте, и завывла, как бес.

– Господи, – ахнула я, – ведь эта женщина и впрямь не Варвара Семеновна!

У жрицы были миндалевидные черные глаза. Она испепелила ими профессора. Он окаменел в неудобной позе. Хорошо, что я успела спрятаться за его спиной.

Жрица выла и улюлюкала минут пять. Потом выбежала к центру залы и начала разбирать гранитный пол, ворочая плиту за плитой. Вскоре вверх полетели щебенка, бревна и каменные глыбы. Рыла она круто. Как экскаватор. Издав победный клич, Тытам-Арим скрылась в дыре.

«Наверное, она уже в Сибири», – подумала я и хотела было выйти из-за укрытия, чтобы позвать на помощь, как Тытам-Арим с диким воплем вновь появилась, схватила гробницу, словно былинку, и исчезла с нею в дыре. Постепенно улюлюканья стихли. «Теперь уж точно в Сибири», – решила я.

– Вот видите, профессор, – вдруг обратился ко мне оживший профессор. – А вы говорили «верховная жрица, верховная жрица», а это и впрямь оказалась Варвара Семеновна из планового отдела.

– А Вы-то теперь кто? – изумилась я

– Как это кто?! – в свою очередь изумился профессор. – Вы что же, забыли? Я – верховная жрица... Ты там, Арим? – со странной интонацией пропел вдруг профессор, к чему-то прислушиваясь, и опять принялся разглаживать ладонью правой руки необычную водолазку, по цвету и текстуре напоминающую брюхо крокодила.

СТАТИСТИКА

– Разберешь вот эту гору хвороста, – приказал мне мастер и, пожевав губами, добавил:

– Палки короче одного метра складывай в первую кучку, палки длиннее метра во вторую кучку, а палки точно с метр – в третью.

– А в природе точных равенств не бывает, – сказала я, – все зависит от характеристик измеряющего прибора.

– Умная больно, – цыкнул мастер, – давай, как я сказал, – и сунул мне в руки деревянный метр.

– А что вы сделаете с палками из третьей кучки?! – зачем-то я крикнула вдогонку мастеру.

– Сгною, – рыкнул он, не обернувшись, и скрылся за объектами.

Я быстро справилась с заданием. В третьей кучке оказалось всего одиннадцать палок. Все они с точностью до половины сантиметра соответствовали стандарту. Я погладила их рукой – почему-то палки именно из этой кучки были гладко обструганы и отшкурены. Мне стало их жалко – я поверила мастеру, что он их сгноит. Поэтому, быстренько распилив каждую из них на несколько частей, бросила палки в первую кучку.

– А где же третья кучка?! – взревел неожиданно подошедший мастер.

– А таких палок не было.

– Ты что?! – опять заорал мастер и схватил меня за ухо. – Я собственноручно положил одиннадцать палок. Куда дела?!

Пришлось сознаться и все рассказать.

– Да ты нарушила мне всю статистику! – ахнул мастер.

– Статистику?..

По внешнему виду мастера нельзя было заподозрить, что он понимает значение этого слова.

– Ну да, статистику, – подтвердил мастер. – По моим представлениям, палки короче метра – это люди, которые любят себя и своих близких больше, чем человечество. Палки длиннее метра – это люди, которые любят больше человечество, чем себя. А палки с метр – это те, которые любят себя и человечество в равной мере.

– Вы, наверное, в кружке занимаетесь? – спросила я.

– Точно, – ответил мастер. – В кружке по трансцендентальному увещанию инстинктов, порочащих человека.

– Что же теперь будет? – испугалась я.

– Да ничего не будет, – подмигнул, улыбнувшись, мастер. – Просто будет другая статистика.

ИЗ ЦИКЛА «ЗАПИСКИ РАССУДИТЕЛЬНОЙ ДАМЫ»

ФЛАКОНЫ

Посетив однажды выставку дома Dior в Пушкинском музее, я сделала маленькое открытие. Естественно только для себя: я не претендую на большее. Так вот, форма роскошных платьев и пальто Dior повторяет форму флакона с туалетной водой J'adore.

Впечатление от выставки было чуть-чуть подрезано этим открытием: рассматривая манекены в роскошных нарядах, я неожиданно вспомнила «Алмазный мой венец» Катаева и выражение Ключика (одного из героев романа): «К нам сейчас придут флаконы».

Флаконами Ключик называл девушек, которые время от времени навещали молодых поэтов. Не буду объяснять метафору Ключика. Все и так ясно. Неясно только одно, являются ли модели дома Dior флаконами? Скорее всего, нет. Потому что они утонченные. Потому что невозможно догадаться, о чем они думают. Действительно, о чем? Может быть о том, что их счастливая жизнь коротка и будет длиться до первой глубокой морщины?

Размышляя на эту тему, я даже немое кино придумала, правда, без сюжета и перца с солью, но зато лирическое и немного печальное:

Вечер. Привокзальная площадь. (Тревожные гудки паровозов.) По площади снуют женщины-флаконы дома Dior. Они демонстрируют тайну, красоту и быстротечность жизни одновременно, то есть, практически всё разом, ну, как бы всё в одном, но большом-большом флаконе.

ДЛЯ СВОЕГО УДОВОЛЬСТВИЯ

Быть писателем – и трудно и ответственно. А быть сочинителем или, на худой конец, графоманом – не трудно и не ответственно, к тому же еще и приятно иногда. Поэтому, если возникает желание быть графоманом или сочинителем, надо потворствовать такому желанию. Изю всех сил потворствовать. Молчи и пиши себе. Молчи и пиши. То есть пиши, молча. То есть пиши только для своего удовольствия.

ПИК-ПИК или ДЗИНЬ-ДЗИНЬ

Иногда, в середине зимы, сидя в своей квартире за плотно закрытыми окнами (потому что холодно), я слышу странные звуки, которые отличаются от всех звуков, проникающих в дом с улицы, и которые кажутся неожиданными и напористыми. Что-то типа *пик-пик или дзинь-дзинь*.

Сначала я думала, что это звуковые сигналы маленького, но мощного автомобиля, ну, например, такого как «мини-купер». Потом мои мысли потекли по иному руслу. Возможно, думала я, какой-то

смельчак катается на велосипеде по заснеженному асфальту и «терзает» время от времени звоночек на гладком ледяном руле. Но в конце концов я решила, что странные и веселые звуки – это песни птичек. Хотя откуда птичкам взяться в суровую зимнюю пору? Ведь даже назойливых голубей нигде не видно. И все же, – решила я, – такие звуки дарят нам милые маленькие птички, которые, возможно, уже чувствуют приближение весны и пробуждают все вокруг: пора, пора, пора встряхнуться от зимней спячки!

БОЛЯЩЕЕ СЕРДЦЕ

Я знаю, что у меня болящее сердце. (Да и не только у меня, а у многих людей нашей страны.) Кто-то кого-то обидит, а у меня болит сердце. Кто-то поступит несправедливо, и оно сразу дает о себе знать болезненным спазмом. Тут же и тоска сожмет виски. Боль и сжатие, боль и сжатие. Надо бы сделать что-то. Например, помочь обиженному, встать на защиту несправедливо осужденного, помочь бедному, протянуть руку обманутому, встряхнуться, подняться и помочь всем, кто нуждается в помощи. Надо бы... а сил нет. Сердце болит, ноет и истекает кровью...

ПОЗДОРОВАЛИСЬ

Как-то раз на улице я встретила знакомую женщину, с которой виделась два-три раза у моих друзей на посиделках с вином, чаем и кофе. Из вежливости подошла, поздоровалась.

Женщина ответила на приветствие, но сказала, что меня не знает, точнее, не помнит. Она явно не лукавила (да и зачем было лукавить?). Не растерявшись (а может быть, наоборот, – растерявшись), я сказала, что тоже ее не помню, точнее, не знаю, а поздоровалась машинально, по ошибке. Отскочив в сторону, я продолжила путь, досадливо морщась: я ее помнила, а она меня не помнила, ну очень неприятно.

Через некоторое время я нашла, как себя успокоить: у нее уже склероз, а у меня, слава Богу, еще нет. А потом меня начали мучить сомнения: может быть, у меня тоже он (склероз) есть? Ну, ничего, решила я, в очередной раз себя успокоив: склероз, как говорят некоторые наши врачи, это не так уж и плохо, потому что каждый день жизнь начинается как бы заново...

ЧТО-ТО ЗДЕСЬ НЕ ТО...

Сидишь, например, на Ученом Совете и слушаешь доклад известного ученого, и ахаешь про себя: Господи, как хорошо говорит, какие интересные факты предлагает вниманию, и объяснения новым фактам кажутся вполне стройными и логичными. Сидишь, слушаешь и вдруг про себя неожиданно скажешь: «А что-то здесь не то...»

Или, например, слушаешь по телевизору выступление известного политолога или экономиста... Надо же, как красноречиво излагает, и метафорой для продвижения своей мысли в народ не брезгует, но главное – весомо и правильно говорит или даже уговаривает. Поэтому внимаешь слову экономиста или политолога, чуть ли не затаив дыхание, но вдруг неожиданно прошепчешь: «А что-то здесь совсем не то...»

Или, например, заедешь на своей машине в какую-нибудь тихую страну Европы... Господи, как красиво, как геометрически идеально выверено, и главное – асфальт на дорогах гладкий, почти как зеркало... Но поездишь несколько часов кряду и вдруг про себя неожиданно скажешь: «А что-то здесь все же не то...»

...Получается, что везде и всегда обнаруживается «что-то не то». И что же с этим делать? Обращать внимание или наоборот – не замечать?

В ПАРКЕ

Три ворона (с белыми необычными отметинами на спинках), которых я часто вижу осенью на газонах в маленьком, но живописном парке близ моего дома, куда стараюсь забежать, если есть свободное время, ведут себя так осмысленно, деловито и по-хозяйски, что мне каждый раз хочется их спросить: вы вообще кто?

В МИНУТЫ ДУШЕВНОГО РАВНОВЕСИЯ

В минуты особого душевного равновесия, когда я и мой муж заняты каждый своим делом, на меня что-то находит, и я спрашиваю мужа:

– Ты веришь в Бога?

– Отстань, пожалуйста, – сразу же откликается он.

Естественно, что я не могу отстать, когда разговор касается такой важной темы, и опять спрашиваю:

- А как ты думаешь – Бог есть?
- Не знаю, – отвечает муж и, отвлекаясь от дел, смотрит на меня.
- А ты думаешь о Боге? – опять спрашиваю я.
- Иногда, – отвечает муж и задумывается на минуту, словно хочет мне что-то сказать, но неожиданно отворачивается и опять принимается за работу...

В отличие от моего мужа я думаю о Боге почти всегда и верю, что Он есть. Я даже верю в то, что ученые (предположительно – астрономы) доказали, что Бог существует, хотя отлично знаю, что ничего подобного они не доказывали.

ВОПРОС И ОТВЕТ

Вопрос: почему сейчас так мало говорят о поэтах и поэзии?

Ответ: потому что поэтов много, а поэзии в их стихах мало.

ШИФРОВКА ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ

«Восприятие – это питание мира. Что было до единицы? Изобретение является обретением из того, что не может быть опознано. Конгруэнтность S логики не опознает не-тождества субъекта. Воображение есть неначинающееся, непреходное действие предвосхищения. Обратное тому – ностальгия по неразделенности, слиянности, неразличимости, без-различию: безответственности. Орнамент представляет собой систему дыр, прекращений...»

Это написала, слава Богу, не я. (Даже если бы я захотела так написать, то все равно не смогла бы.) Это написал в эссе, посвященном контексту, один замечательный (здесь я абсолютно не лукавлю) поэт и прозаик. Скорее всего, он хотел сказать что-то очень важное и одновременно показать, что говорить о важном нужно на особенном, мало кому понятном языке.

ВОПРОС И ОТВЕТ

Вопрос: Почему когда одни говорят, то многие откликаются, а когда другие говорят, то все молчат?

Ответ: Потому что одни не думают, что говорят, а другие думают, точнее, полагают, что они говорят.

ОПЯТЬ ВСЕ О ТОМ ЖЕ

Когда мои знакомые, или даже приятели, цинично (не могу найти иного слова, чтобы охарактеризовать их поступок) спрашивают меня: «Зачем ты пишешь?», я обычно пожимаю плечами и говорю: «Сейчас многие пишут, и я не являюсь исключением». На самом же деле у меня есть в запасе много ответов на вопросы такого сорта, и, например, один из них такой: «Нет ничего слаще иногда, чем читать и перечитывать свои собственные произведения».

РЕЗИНОВАЯ МОСКВА

Если верить Лимонову («Книга Мертвых»), то художник Брусиловский в 1965 году говорил молодому в то время Лимонову и его первой жене Анне: «Не надо вам ехать в Москву, Москва же не резиновая, всех вместить не может, живите здесь в Харькове». Добрый и заботливый Брусиловский ошибался. Сейчас ясно, что Москва резиновая: она вмещает всех, кто хочет и может жить в Москве. Одни живут — по необходимости, из-за денег, или по привычке, потому что здесь родились; другие — из-за любви к тусне и толчее. Московская резина, однако, растягивается и вот-вот лопнет. Недавно Москва даже увеличилась, выперев наружу, словно большая паховая грыжа. Не исключено, что Москва скоро вывалится целиком и растянется вкривь и вкось по нашим необъятным весям, являя миру удивительный парадокс: с одной стороны, каждый наш гражданин будет жить как бы в Москве, но с другой стороны — каждый коренной москвич будет жить как бы в Урюпинске (например), ежедневно спрашивая себя: где это я?.. не сон ли все это?..

ОДИН ОЧЕНЬ ВАЖНЫЙ СОВЕТ

Если вам позвонит кто-то из забытых ваших друзей и скажет: «Ты совсем меня забыла», то не говорите — «Почему забыла?.. вовсе не забыла». Лучше сказать так: «Нет, не забыла». Краткость и твердость в этих словах успокоит забытого вами друга или подругу и даже насторожит.

ВОПРОС И ОТВЕТ

Вопрос: Почему у нас много людей, недовольных жизнью?

Ответ: Потому что у нас слишком много людей, которые могут быть довольны только собой.

ПРО ПЕТЮ

Мой младший внук Петя недавно стал первоклассником.

В школу Петя ходит без удовольствия, оставаться на продленке после уроков часто и решительно отказывается. Его мама, моя старшая дочь Маша, вынуждена разрываться между работой и семьей, особенно в те дни, когда Света, няня Пети болеет или уезжает из Москвы проведать своих родителей.

Как-то раз я вызвалась помочь дочери и приехала, чтобы взять Петю из школы: живет моя дочь с семьей от нас с мужем отдельно и, в общем-то, не близко. Петя, увидев меня, удивился, но не обрадовался: ясно, что он ждал маму.

К дому мы шли гуськом – он впереди, я чуть отстав. Петя был задумчив, даже сосредоточен, шел быстро, ссутулившись под тяжестью ранца, и держал руки глубоко в карманах. Мне так и подумалось: грусть-тоска сдает нашего Петю.

Как только мы вошли в квартиру, Петя сбросил с себя ранец, потом куртку (при этом он крутился, как волчок, и подпрыгивал), затем содрал левой ногой кроссовку с правой ноги, и наоборот, – правой ногой содрал кроссовку с левой ноги.

– Всё, – крикнул и побежал на кухню, где готовила ужин Маша.

– Мама! – закричал Петя на пороге кухни. – Это правда, что я должен буду жениться, когда вырасту?!

Маша стояла у плиты и жарила котлетки. Она повернулась, усмехнулась и, пожав плечами, сказала кратко:

– Ну, да.

– Как это?! – воскликнул Петя. – Но я же не хочу! Я хочу быть только с тобой!!!

Последнее предложение Петя выкрикнул, делая акцент на каждом слове. Маша, увлекшись жаркой котлет, ничего не ответила, только взглянула с улыбкой на Петю и опять пожала плечами. Я стояла в стороне и с любопытством наблюдала, безмолвно ожидая, что же будет дальше.

Петя, не дождавшись ответа от мамы, рубанул рукой воздух и, резко развернувшись, побежал мимо меня в комнату к своему старшему брату Саше. Я последовала за Петей, почти крадучись.

Саша сидел за письменным столом и готовил домашнее задание. Правда, в данный момент он внимательно рассматривал потолок,

покусывая прижатую к губам шариковую ручку. Он любил долгие посиделки, посвященные трансцендентным упражнениям созерцания, особенно во время подготовки к школьным урокам.

– Саша! – крикнул Петя с порога комнаты. – Это правда, что я должен буду жениться, когда вырасту?!

Саша ничего не ответил, только косо и бегло взглянул в сторону младшего брата и опять продолжил рассматривать потолок.

– Ну, хорошо, – тормозил брата Петя, – а ты? Ты женишься, когда вырастишь?!

– Женюсь, – ответил Саша и взглянув, наконец, пристально на Петю, кивнул, как бы подтверждая свой ответ.

– Так что же?! – ахнул Петя, и слезы брызнули у него из глаз. – Я тоже должен буду жениться?! Но я же хочу быть только с мамой!

Тут, наконец, я решила вмешаться и, обняв Петю за плечи, спросила:

– Петя, а кто тебе сказал, что ты должен будешь жениться, когда вырастишь? Бывает, что люди, которые много говорят, часто ошибаются.

Петя, ощутив поддержку, успокоился. Его слезы сразу же высохли.

– Лиза, – ответил он.

– А кто это – Лиза?

– Моя подруга, мы с ней сидим за одной партой.

– Ну, Лиза могла пошутить, – я не знала, что сказать, чтобы вывернуться и успокоить внука.

– Нет, она не шутила, – серьезно сказал Петя.

– Ну, Лиза могла и ошибиться, а потом, ты будешь взрослым еще не скоро.

– Не скоро, – повторил Петя и, как мне показалось, окончательно успокоился, а может быть, не успокоился, а просто устал от переживаний.

Мы прошли с ним в гостиную, сели рядышком на диван и долго вместе молчали. Я не знаю, о чем тогда думал Петя. Я же думала о Лизе – какая прозорливая девочка. Видно и впрямь правду говорят люди: устами ребенка глаголет истина.

Борис Ванталов

ПОСЛАНИЕ НИЧЕМУ

ПОСЛАНИЕ НИЧЕМУ

Всё так. Работаю изгоем.
Слепым корректором седин.
Торчу, как сыч перед забоем,
в непостижимости, один.
Слежу за мыслями лениво.
Они – за мною, не спеша.
Вдоль позвонков, неторопливо,
ползёт улиткою душа.
Тащи, тащи меня с собою.
Во времена ты знаешь брод.
Моё ничто горит судьбою...
Микроб вселенной: аксельрод.

***

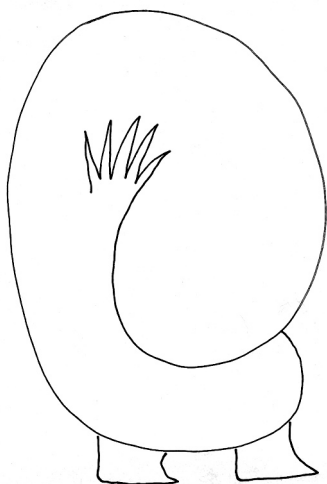
Качает чёрт...
Фёдор Сологуб

Вылез мозг из праха,
сморщившись от страха.
Напрасно ищет призрак я
в бороздках музыку себя.
Неотвратимых мыслей бриз
гоняет нас в извилинах, как крыс.

Вверх – вниз.

Вверх – вниз.

Вверх – вниз.

***

Когда само себе надоедает эго,
сознания лопается шар.
Крошится мировое лего.
Ты – пар.

Ты снова ноль, обшитый тёплой кожей.
Ты барабан прабабушки Ничто.
Извилили незадачливый прохожий
Никто.

***

Никто районного масштаба.
Питомец сов.
Реальность с детства видел слабо
смотритель снов.

Дедок Нэма. Пятно в халате.
Промчась сквозь звёздную пургу,
Как луч последний на закате,
Сгорю в освещении – мозгу.

***

Первый снег слегка летящий.
Мозг пинает палую листву.
Я ещё как будто настоящий
в пятнах близорукости плыву.

Клочья остывающей вселенной.
Памяти просыпанная соль.
Воспитатель мудрости нетленной
облаков абстрактный алкоголь.

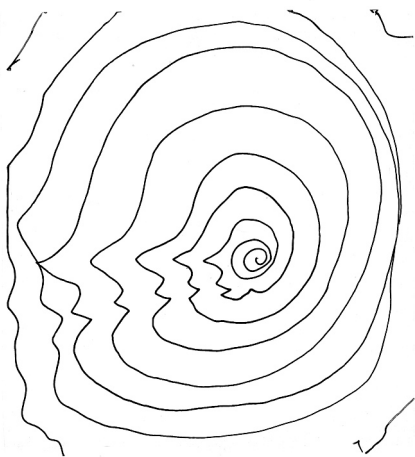
Геронтологическое

Радости стареющего тела
так легко на пальцах сосчитать.
В нём, пока душа не отлетела,
как в бойнице замка пребывать.

В щели узкие разглядывать пространство,
слушать времени свистящую стрелу.
Наводить последнее убранство,
тормозя сознания юлу.

Городу и миру на прощанье
ниспослать последний свой зевок...
Позади белковое камлание.
Впереди – безумный Ничевок.

2014

Рис. Б. Констриктора.

Наталия Юлина

КОТ, ПЕТУХ и БОГДАНОВИЧ

ЧЕРТ ИЗ БАНКА

Когда все вокруг стали миллионерами, пришла депрессия – что это я косая-слепая-хромая, ничего что ли не могу? И тут прибегает чертик. Такой добрый, беззащитный, глаза слезятся, потому что бежал, штаненки мокрые, потому что испугался. И говорит: «Наш банк на Кипре вот-вот лопнет, требуется надежный человек, как вы».

Что делать, просят – значит, возглавлю. Открываю их банк, а там всюду нолики, нолики, нолики. Взяла и каждый нолик заменила единичкой.

Теперь я тоже миллионер.

ЧЕРНАЯ ЛИНИЯ

Смотрю на небо, а там все облака веером выстроились и светятся. Понимаю, что если в точку, откуда они все выходят, прийти и пять минут там побыть, то будет счастье. Еду на такси, потом на лошади, потом бегу, и вот я в точке. Никого. Жду четыре минуты – никого. Скука. Жду пять минут, шесть минут и, наконец, понимаю, что мое счастье – быть одной.

Хорошо, живу одна. Живу, живу – скука, а счастья нет. Позвонить, конечно, можно, но кто в такую даль поедет. Все в Москве толпятся, и даже по Бессарабии толкуются. Конечно, людей вокруг много, но все своими делами заняты. Кто кошек кормит, кто собак, а иные детей выращивают. Им мое счастье как прошлогодний снег.

И решила сама свое счастье обустроить. Для начала – я Вам пишу, чего же боле. Боле-то боле, а вот что мене. И поняла, что

меньше, чем писать, можно с этим Онегиным поговорить. Сделала я его из картошки и голову вырезала. Голова получилась умная, говорит прилично, и начали мы с ним разговаривать.

Заткнула я этого Онегина за пояс своей эрудицией. Робкий он оказался, ну, ничего, другого сделаю. Но пока обхожусь. Спрашиваю: – «Баха любишь?» Не мычит, не телится. – «Включить, – говорю, – Баха?» Еле слышно: – «Включи».

Что в нем (в Бахе) хорошо, так это орган. Мелодия и аккомпанемент сразу. Я пою мелодию, а Онегин всё больше на аккомпанемент налегает. Непутевый мужик.

Больше никаких вееров на небе не бывает. Никакого, никому, никогда счастья. Только овечки-барашки, овечки-барашки. А то и вовсе по небу клочья шерсти идут, и даже не колечками, а лохмотьями.

Но вот сразу после заката из красного хаоса протянулась тонкая-тонкая, черная-черная полоса, в конце своего пути утонув в черных тучах. Полоса в полнеба. Прикидываю расстояние. Из точки, где я стою, она раскинулась на 120 градусов.

Когда с наступлением темноты черная черта утонула, я поняла, что она разделила время на до и после полосы. Онегина выкинула. Теперь и счастье, и всё остальное полностью поменяют свою природу.

Так оно и случилось. Просыпаюсь, смотрю вокруг: серые стены, серая мебель, серая дверь, жизнь становится серой. Ты выходишь на поле боя, где против тебя стоишь ты сама, и в колчане ни одной стрелы, в кармане ни одной монеты, а в голове извилина извилине – колючая проволока. Иду к врачу и получаю красные таблетки чувствительности и синие – бесчувственности. Глотаю красную. И улица и люди на глазах обретают смысл.

Сосед выходит из двери напротив и угрызает меня, что, мол, мусоропровод засорила. Недолго думая, леплю ему кулаком в подбородок. Прихожу домой и смачиваю окровавленный нос. Принимаю синюю таблетку – спасибо врачу – для бесчувствия. Снова серая стена, серая мебель, серое окно, подхожу к нему: по улице мечутся серые люди. Включаю серый-пресерый телевизор. Там все под таблетками, но я вижу, что им скучно убивать друг друга, прыгать и сексом заниматься. Такие они серые-серые. Скука

лезет в комнату прямо через стекло телеэкрана. Невмоготу. Легла спать.

И так день за днем. Вот такие теперь счастье и всё остальное.

КОТ, ПЕТУХ И БОГДАНОВИЧ

Жили-были Кот, Петух и Богданович. Кот на солнце грелся, голенастый Петух красиво ходил, а Богданович их обоих кормил и любил смотреть, как Кот раскинулся на солнце, а Петух по двору вышагивает.

Однажды выглянул Богданович из окна, а во дворе два петуха. Один прежний, а другой как две капли воды похож на Кота. Понял он, что Петух соблазнил Кота тоже петухом стать. Зернышек обоим насыпал и пошел отдыхать.

На следующий день смотрит, а на дворе два Кота. Один прежний, другой как две капли воды похож на Петуха. «Ага», понял Богданович, положил обоим котам по рыбке и пошел отдыхать.

На третий день смотрит, по двору гуляет Петух, точь в точь – Кот прежний, а Кот переливается таким цветом, как прежний Петух.

Завидно стало Богдановичу и решил он превратиться... только в кого? Пока решал и сомневался, голова его сделалась петушиной, а лапы стали кошачьими. Долго смеялись Кот и Петух над Богдановичем. Потом Кот исчез куда-то, и вдруг из дома выходит Богданович.

Ну и как? Новый Богданович на самом деле Кот или Петух?

И тогда новый Богданович начал петь песни:

Песни Богдановича

ОСЕНЬ

Я осень полюбил, хоть не могу сказать,
где осень кончилась, а где опять явилась
и приготовила тебе большую милость
ходить по твердому, дышать ее листвою,
уроненной, потерянной под ветра долгий вой.

Такая осень пусть протянется до марта,
когда мороз улыбчивым котом
на крышу вылезет с блестящим топором
и громко запоет, что осени конец
и что петух облезлый – молодец.

КРЫШКА

Вылезет светлая куколка из щелки дверной, как мышка,
Щелкнет зубами – и крышка.

ТАРАНТАС

От вас до нас, от нас до вас
Не ходит синий тарантас,
И тройки одинаково
Не бегают в Очаково.

Вот я нашел однажды лаз
От вас до нас, от нас до вас
И пропадал в нем всякий раз,
Всегда в один и тот же час,
Но не попал дракону в пасть,
Ведь тот, раздутый, мог упасть.

ВЕСНА-РАЗБОЙНИЦА

Ане Орловой

Весна – это скопище старого хлама:
Кусочек газеты, пушинка под ним,
Тряпица, галоша, разбитая рама,
Да кто бы ты ни был, растай и звени.

На небе открыто всемирное братство
для всех, кто захочет на небо глядеть,
кудахтать, ворчать, бормотать, улыбаться,
визжать, кукарекать, мяукать и петь.

Для всех, кто с горы и на гору вприпрыжку,
вприсядку, вприглядку, вприкуску и так
обсасывает, как сахарную кочерыжку,
гвоздик, сосульку, ледышку, кулак.

Лоскутной весной, где усталые лица,
была ты ягненком, волчицей, ежом,
была не проснувшейся утром царицей,
разбойницей с узким консервным ножом.

В открытые двери вломилась, как ветер,
пугливых котов посводила с ума
и стала, как все одинокие дети,
без умолку спорить с собою сама.

ЧУЧЕЛКО

Меня набили соломой, повесили над тахтой,
темной квартирной истомой обволокли, духотой.
Я издали всем улыбаюсь, топорща четыре ноги,
и никого не пугаюсь, пусть будет темно — ни зги.
Еще я люблю качаться, дотронься слегка, шутя,
я рада толчку подчиняться и прыгать, соломой хрустя.

ОМАЖ

Омаж Олегович Омаров
Сидел однажды налегке,
Легко лежало на пригорке,
Пригорок плавал по реке.

Олег Омажевич Омаров
Напротив, тяжело шагал.
Шагало плавало в болоте,
Оплот болота — малый вал.

Омар Омажевич Олегов,
Галдя, глядел на галок ход.
Ходы же зарастить не смели,
И дыры заполнял народ.

Олег Омарович Омажев
Замажет дыры и уйдет
В покрытый масляною сажей,
Бомжем одетый самолет.

Омаж Олегович Омаров
В народ входил и выходил.
Толпились глупости хазаров,
Непрочный разбивая ил.

Омаж Омарович Олегов
Держал на небе огород.
Сосиски грунтовые зрели
И падали народу в рот.

Омар Олегович Омажев
Жалел тигрицу из Тувы,
Вы – ту, а я другую дважды.
Она же никого, увы.

КОМАР СПРОСОНЬЯ

Еще очень рано, еще не пришло никакого посланья
От солнца, от воздуха, от мирозданья.
Но где-то, но где-то в точке другой
точит комар свой шприц золотой.

Он глазом одним обведет всё, что слева,
он глазом другим обведет всё, что справа.
Вот грубо с разбега вонзает свой шприц,
Увы – это только резиновый шприц.

КЛОНЫ

Она, она, она. Три зеленых клона уклонились от регистрации.
Они жили, шили, мыли,
тосковали, пока были
от свистка отлучены и отучены от танцев.

Они вроде где-то жили,
по-турецки говорили,
обещали не сопеть и над книгами корпеть.
Они жили вроде сразу,

возмутив вокруг заразу:
их всегда зеленый цвет
был из космоса привет.
А Маруся, большая кобыла,

за все это их долго пилила
и учила по-местному петь.
Тут все трое зеленых и мелких
взяли в руки большие тарелки

и, кидая в три сразу руки,
пели песню, как дураки.
Поиграли три раза в поспелки
и разбили большие тарелки,

и успели кобыле овса,
но лысели —
такая упса.

О, зеленых волос овес —
сострадал шелудивый пес.
Клон его шелудился мало,
редко ел, зато пил
что попало.

Три старых лысеющих клона
за колонной поют неуклонно.

КРЫМ

Колибри колебались в воздухе,
Корзуха зумкала в носу,
Зияли золотые лозухи
И кувыркались на весу.

Курдело. Птанцы закурдахали,
Пропел картавый Кореиз
Воды горбатые каракули.
Летела Лиза леса из.

Эсфирь Коблер

КРИЗИС, КОТОРЫЙ ВСЕГДА СО МНОЙ...

Кризис. В России кризис!

В начале декабря прохлаждалась я в теплых странах. Небо голубое, воздух плюс 25, море плюс 22... Спокойно (на тот момент), красиво. А с родной стороны крики: падение рубля, продукты дорожают, кризис.

– Вот, – говорю окружающим, – уехали из одной страны, а приедем в другую.

Вернулась. Пошла в магазин. Ну, продукты на треть подорожали. Вдохнула. Любимая гречка вместо 30 рублей стоит 50 рубликов. Пик взвинчивания уже прошел. Народ без всякой паники покупает все, что считает нужным к Новому году. Смотрю в тележку старушки, такая типичная старушка «с кошелочкой»: пакет молока, батон хлеба, дорогущее оливковое масло израильское и две банки красной икры с Камчатки. Вот тебе, бабушка, и кризис!

В интернете ходит анекдот: «До чего Путин страну довел! Раньше скупали в кризис спички и мыло, а теперь – квартиры и дорогие машины».

«Ну, – думаю, – дудки. Не проведете». Открываю сайт городка под Москвой, где теперь живу. Читаю слезный призыв: «Дорогие покупатели! Звоните, прежде, чем ехать к нам за новой квартирой! Квартиры уходят очень быстро. Узнавайте цены по телефону! Узнавайте, не продана ли еще квартира, которая вам понравилась!»

Кризис. В России кризис!

Далее, сообщения от автодиллеров: «Господа! Все дорогие иномарки проданы! Покупайте продукцию АВТОВАЗа. Там, кажется, еще что-то осталось».

Вот беда! Оказывается, анекдот правдив!

Звоню своей школьной подруге. На одной парте пять лет сидели. Надо сказать, что человек она не бедный. У нее на две семьи – она

с мужем, и семья сына – четыре квартиры, три машины, две дачи. Ну, положим, у нее с мужем дача вся в резных кружевах и цветах – всё своими руками. А вот у сына на соседнем участке замок в три этажа с теннисным кортом, бассейном, своей картинной галереей... Звоню, значит, и спрашиваю – что, как. Подружка – преподаватель менеджмента и экономики – говорит, что ее большой холодильник забит всякими заморозками, вареньями, соленьями собственного изготовления, а большой шкаф на кухне – килограмм по десять всякой крупы и макарон.

– Лиза, – спрашиваю я, – тебе зачем? Деньги есть – пошла и купила.

– Пусть будет, – говорит моя практичная подруга, – есть всегда хочется, – а машинами сыт не будешь.

Кризис. В России кризис!

Ну, может быть, что-то в культурных проектах изменилось? Вроде нет. Отшумел конкурс «Большая опера», а на смену – конкурс имени Муслима Магомаева, а потом конкурс Елены Образцовой, а потом «Большой балет». По разным городам прокатились поэтические фестивали, литературные конкурсы.

С литературой все понятно. Кто «за» – получают премии здесь. Кто «против» – получают гранты там. Надеюсь, что их всех скоро забудут, а читать будут еще одного моего одноклассника – Володю Тучкова. Он все пишет и пишет, и все лучше и лучше...

Кризис. В России кризис!

Новый год по стране шумит и гремит так, что земля дрожит. Тут читаю. В новогодний праздник корреспонденты CNN были поражены оптимизмом россиян. Они, то есть CNN, на Красной площади народ спрашивают: чего веселитесь? Ведь кризис. А народ им в ответ: «Ничего. Переживем»!

Ну, им, товарищам с Запада, не понять. Только на моем веку три кризиса у нас было. Первый – начало перестройки и всякая хрень с митингами и пустыми магазинами. Этот кризис мне запомнился одной выдающейся сценкой, виденной в магазине. Интеллигентного вида мужчина бил слабым кулачком по голове неинтеллигентного вида женщину, которая пыталась вырвать у него из рук синего вида куру.

Помню кризис, который ознаменовался тем, что в магазинах стояли длиннющие очереди даже за чечевицей. Больше ничего не

было. В те дни мой пес после большого загула пришел домой облезлый и больной. Сказали – кормить его сырыми яйцами и творогом. С большим трудом я достала дефицитные продукты и откармливала нашего любимца, а мы с дочкой ели чечевичную похлебку. Увидав такое зрелище, друг семьи вздохнул и спросил: «Можно я буду вашей собакой?»

Теперь другое дело. Скупают дорогую технику, квартиры, машины.

До чего Путин страну довел! Правда, в очереди в поликлинике старушки болтали, что импортные лекарства подорожают, а то и вовсе исчезнут. Печально. Мне без них не выжить. А может, это к лучшему?

Надоел мне кризис, который всегда со мной...

С 1 К 2
Она перволюдей
Бли 3
Плат 4
Обезьяны
З 5
Ть 6
ИВ
Илились
Коприм 7
В 8
Переро 9
Д 10
Илились
Чело 11
Н 12
Под 13
3
Крылом
Выбились 14
4
Птен 15
Цов
Самки 16
Р 17
Ю 18
Пт 19
ен 20
Стая 21
В 22
Д 23
Ж 24
Му 25
Ж 26
Д 27
Ала 28
С 29
Женским 30
Мозгом 31
В 32
Жизнь 33
В 34
Ходят 35
Ы 36
В 37
Люди 38
Некоторые 39
Зря команд 40
Женофикация 41
6
Ж 42
дет 43
па 44
дет 45
Мужей род 46

СИЛА МЫСЛИ

Медкомиссия

медиумическая

мерила маразм

Бехтерев напару

с ОВЫМ

дур

до о у

собак телепатии

обучали

догоняли те

учителей

без труда

Психическая

зараза

за раз

знаний

пудрила запас

Бехтерев фокус

показывал

мысль хитро

строила козни

деэволюция
ученые

у
в б
е р
я а
ю т

ТА
В
Н
С
Ф
О
Р
М
А
Ц
И
Я

мозги у людей
уже вскоре
доведут
и ъ

до обе
ума
каждый день
голову взвешиваю

не глупею пока

следующий этап
биороботом
себя считаю

пищу отодвигаю

пить

л
жа ею
р в

в рюмку

гл
яну
воспр

ЛЕВИТАЦИЯ

перестал есть
хлеб
булки

но не взлетаю
в ходе прогулки

Веселящий	Не в
г	стану
аз	чудить
вр	на кремниевой
повисит мой	ос
градус	нове
настроения	в
Счастья г	
о	
ро	
о	
п	
за	не шагнув
г	С дво
ну	ни
ч	й
меняться	ком
	та
А ат	станем себе
в ар	козни
то	р
обольщения	ь
верный	ст
успею много	оит
	жить

Елена Твердислова

МОИ СИПУРЫ

*В иврите есть ёмкое слово – подразумевает буквально всё: рассказ, притчу, сказку, историю, событие, факт, быль...
Это сипур.*

Свое-чужое

В магазине примеряю брюки. Снимать сандалии не хочется. А, не испачкаю, сейчас не грязно. И прямо в них влезаю в брюки.

Показываю продавщице. «Мицуня! И цвет ваш», – уже по-русски.

На иврите поговорить не с кем... Вчера искала один адрес, спросила троих на улице – все русские.

Возвращаюсь в будку-примерочную, снимаю сначала сандалии, потом брюки – теперь они мои!

Что в доме имеется

– Я теперь спокойно отношусь к еде: что в доме имеется, то и ем. У тебя сегодня обед будет?

Киваю.

– В дороге без супа трудновато. А суп мясной? Ведь у меня сейчас нет поста.

– Можно добавить куриный кубик.

– Хоть так. Я совершенно перестала интересоваться едой, иногда не замечаю, что ем. А на второе что?

– Курица с грибами.

– Опять эти грибы. Я ими во время поста объедаюсь. Да ладно. Водочка-то имеется? Надо же выпить со свиданьем!

– Конечно.

– А закусить чем? Ну там селедка, огурчики...

– Есть даже опять маринованные, если не возражаешь.

– Замечательно. А в принципе, всё равно. Пару рюмок водочки...

К курице лучше белое вино. Согласна? Некоторые пьют красное, но я предпочитаю...

– И то, и другое – твой выбор.

– А, всё это ерунда. Надо уметь довольствоваться тем, что дают.

После обеда так приятно предаться удовольствию, в конце концов, могу себе позволить кофе с мороженым? Мороженое есть? Порой прихожу после занятий усталая, измученная, представить не можешь, какая слякоть бывает, и если рюмку коньяка не пропущу, я не человек. Мы сможем вечером-то посидеть?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, с коньячком!

– А как же – я запаслась!

Никакой благодати

Моя подруга приехала ко мне специально на Пасху.

Мы вместе красили яички, испекли кулич, приготовили пасху, она ездила всё это святить, ночь провела на службе и весь день пребывала в приподнятом настроении.

Чтобы совсем уж угодить подруге, я пригласила в гости священника – украшение стола. Мы все сели на улице, погода была изумительная, тепло, и она, обращаясь ко всем нам, произнесла почти что шепотом:

– Смотрела нисхождение огня – какое это чудо!

– А, – перебил ее отец Святослав, – технические уловки!

– Как так?! – опешила подруга. – Там ведь драка идет за первенство!

– Заранее всё оговорено!

Подруга замолчала, но видно было – с трудом сдерживает слёзы.

Однако обед был на славу, всё нами сделанное – вкусным, и вечером, когда все разошлись, спрашиваю в надежде, что она успокоилась: – Ты довольна?

– Никакой благодати! – холодно ответила и пошла в свою комнату.

Остановка по требованию

Жду, когда подойдет мой автобус, ходит редко, проскакивает молниеносно, не успеешь выскочить навстречу, следующий – через полтора часа. У меня в запасе еще минут пятнадцать, глаза закрываются сами – встала в шесть утра, чтобы этим же автобусом успеть на занятия по ивриту. Незаметно в плен берут картины, видения, обрывки разговоров над ухом выстраиваются в стройный сюжет. От толчка пробуждаюсь, удивляясь, что сны вижу редко, а вот стоит задремать, они тут как тут. На меня внимательно смотрит женщина: «Беседер?» – мол, с вами всё в порядке? Ну, думаю, у меня и видик. Успокаиваю, что просто устала, скоро два часа, а я... «Это хорошо, что учите иврит!» – «Без языка тут никуда!» Разговор обрывается ее подошедшим автобусом.

Словно на смену ей подсаживается, как птица с лету, другая: молитвенник в руках раскрыт, всё время бормочет и смотрит на небо, потом переводит взгляд на меня и быстро-быстро начинает говорить, почти даже петь, так плавно льются слова: «Ах, этот чудесный аромат, чувствуешь его, невзирая ни на что, и на погоду, вокруг раскопано, было красиво и опять станет красиво. Израильтяне умеют ухаживать за своим городом – обратили внимание?»

Замечаю, что вокруг меня никого, как только она заговорила, отошли, опасаясь, видимо, ее арий. Сумасшедшинки ей не занимать.

– Я люблю обычные дни, каждый занят своим делом, но в шабат... Какое удовольствие, – взгляд в молитвенник, – читать в шабат благословение. Мы задаем тон, исправляем грех Хавы, это важно, и мы это любим, ощущаем на себе что-то особенное, с нами приходит мир, согласие, любовь... Ведь это право женщины – зажигать субботние свечи, поэтому мы должны следить за собой, какая на вас красивая шляпка!..

Говорю ей, что и она выглядит элегантно, легкая фигурка, летящие руки, хотя и моего возраста, думаю про себя, но она быстро перебивает:

– Да что вы, посмотрите! – и тянет из вязаного берета в крапинку, совсем не банальный и ловко сидит, хвостик от платка, на который надет берет; с беретом гармонирует серое шерстяное пальто, его удобный крой руки превращают в крылья, приоткрывая иногда

длинную пеструю юбку фиолетовых тонов: – Я толком даже одеться не успела!

Вдруг приближает свое лицо к моему, смотрит пристально, но с доверием:

– Француженка?

Я что-то такое лепечу про улыпан, куда езжу на занятия. Не слушает.

– А зовут как?

Чтобы не испортить ее ожиданий, говорю, стараясь Е выдать за Э.

– Из России?

Киваю. Пристальный взгляд гаснет, улетучилась приветливая улыбка, и кстати автобус ее подошел – не попрощавшись, быстро двинулась за очередь, по-прежнему держа в руке уже сложенный молитвенник.

– А шляпка из Польши! – громко кричу вслед, но она то ли не расслышала, то ли я перестала ее интересовать, даже не обернулась.

Зелёный ликёр

День с утра не задался. Встала всего на несколько минут позже, а всё пошло с задержками: душ, завтрак, чистка зубов... Ровно в 12 выскочила вон, на остановке трамвая меня уже должен ждать муж, а туда еще требовалось добраться и только с пересадкой: сначала – автобус, потом – ракевет-трамвай. Успела, хоть бегом да скачком.

Подъезжая, узнала красную кепочку, и сердце обмерло: сыро, возвращаться будет после захода солнца, резко и сразу похолодает, а он после трех атак простуды, которые в общей сложности заняли месяца полтора, не подряд, правда, а с разрывами, обязательно заболит снова. Ведь договаривались – наденет куртку с капюшоном, вместо этой летней шапочки!

– Зачем мне сейчас капюшон? 14 градусов!

– В полдень – да! А после пяти, когда солнце садится?

– Не паникуй!

Меня взорвало: – Немедленно возвращаешься домой!

– Не выдумывай! На мне еще майка! Я должен отправить наконец книги!

– Мы же с тобой договорились, как ты будешь одет! – продолжала

я талдычить: абсолютно бесполезный аргумент! Куда мудрость девается?

Перепалка продолжалась и на почте, всего несколько минут, но стоила мне многих лет жизни. Приехала, чтобы всё показать, худобно могу объясниться, мужа одного не оставишь, стресс будет по незнанию. Кто-то рядом, сообразив, что ругаемся и можем уйти, ждет, не отдадим ли ему взятый талон на очередь. Выходит, зря приезжали?

Впереди замаячил ракевет, надо успеть, прибавляем в молчании ходу, и в час с десятью минутами входим на Тахану, откуда автобус отправляется ровно в час пятнадцать. Но водитель куда-то отошел, и это выручило – обычно имеет обыкновение уехать чуть раньше – есть время дух перевести.

Посадив мужа в автобус, который отвезет его домой еще до захода солнца, устремляюсь снова к трамваю: мне в ульпан на занятия ивритом. В самый раз сейчас погрузиться в иврит, даже здорово, что отвлекает. Пока доехала и дошла до ульпана, везде путь не близкий, успела сама продрогнуть, время летит быстро, и снова назад – ракевет везет на Тахану. Но по-прежнему не могу успокоиться, дрожь пробирает, кости стыннут, а тут еще ветер нагнетает настроение, и солнце давно село... Тут меня догоняет спасительная мысль: горячего бы чаю с ликёром, ведь дома буду часа через два, не раньше, еще заболēju чего доброго...

Заглядываю в магазинчик, спрашиваю ликёр, молодой продавец лезет наверх и достает бутылки, выясняю цену и останавливаюсь на самом дорогом, хотя и он дешевый. Зелёный цвет немного смущает, точно знаменитый во времена моих родителей «Шипр». «Да нет, – читает мои мысли продавец, – он на травах. Приятно пить».

Забираю бутылку и уже в дверях слышу окрик: «Геверет!», то есть по-нашему, «Мадам». Оборачиваюсь.

– А стакан? – Протягивает бумажный стаканчик.

Я остолбенела. Неужели похожа на алкоголичку? Ну да, решил, будто мне невтерпеж именно сейчас откупорить бутылку и выпить: вынь да положь! Рассмеялась: «Потерплю до дома!» – а про себя подумала: стаканчик-то можно взять – на всякий случай.

И то, что не тонет, тонет

– Не к столу будь сказано, – с ходу подруга, принимаясь за салат. Ох уж эти мне задушевные беседы, и обязательно

выслушивай физиологические подробности. Но молчу: ей хочется выговориться.

– Меня в поликлинике попросили сдать анализ на наличие скрытой крови в кале, а какая красивая формулировка! Поначалу решила, что из-за язвы, но оказалась возрастная проверка – делают всем после 65. Вручили крошечную коробочку и попросили ознакомиться с инструкцией. Надо тебе сказать, – с воодушевлением намазывает на хлеб масло, – я ем масло только в гостях, дома у меня диета, так вот, больше всего я боюсь таких анализов натошак. С утра из меня не вылезет никакая какашка...»

– А кусок колбасы? Ладно, не перебиваю.

– Инструкция сногсшибательная: описано всё, чуть ли не как штаны снимать. Но я начала с ней знакомиться, когда всё уже сделала, прямо на унитазах... Пришлось всё спускать! И тут меня охватила паника: сегодня еще раз сделать не получится, завтра... У меня всегда запоры, когда волнуюсь, – произнесла подруга с набитым ртом. – А там уже выходные, и не успею сдать. Правда, можно держать в холодильнике, но только пять дней.

– Не ожидала, что говно портится.

– Всю ночь не спала, всё думала, что бы такое съесть на завтрак...

– В таких случаях лучше ничего не менять, – поддакиваю.

– Так и сделала: мои обычные яблоко, банан, хурма, и стала ждать. Если бы ты видела эту палочку, которой надо провести вперед-назад, а потом справа-налево. Ловлю момент и в туалет, боясь, что не успею. Самое трудное оказалось – согнать всю воду из унитаза», – продолжала она, собираясь приступить к кофе: к ее приходу на столе должен стоять кофейник и сливочник с молоком – сервировка прежде всего. – Сверху, как положено, положила бумагу, она прилагается к инструкции, и на нее – если бы ты знала с какой благодарностью вывалилось всё мое содержимое...

Я поперхнулась. Похлопав меня по спине, торопливо замечает: – Не успела оглянуться – какашка вместе с бумагой ушла на дно – как рыба с крючка сорвалась. Смотрю я на свою драгоценность, которую как лодку в море уносит, могла бы еще остановить, но... никакого контакта с водой быть не должно!

– Выходит, то, что не тонет, тонет, – замечаю глубокомысленно, но подруга продолжает живописать подвиги на ниве «поймай свой кал!». Сидя с довольным видом, будто сдала госэкзамен, и наливая

кофе в изящную чашечку, сетовала – подумать только, на что время тратим: сколько возможностей упустить барахло, а мы за него держимся.

– Не переживай! Главное – сипур получился.

– Сипур? В инструкции об этом ни слова...

– Пей кофе, остывает!

Честно признаться...

– Честно признаться, нас совсем не понимают...

Приятно порассуждать, когда с тобой умный собеседник, и внимает. Да что там – глаз не спускает! ... Мы – трепетные, воздушные – разве не видно, а шубка какая? Пфу! Мех, знаете ли, нуждается в особом уходе. Я не права? А уж какова одёжка, таковы и манеры... Признаться, мало кто отдаёт себе в этом отчет, мало тех, кто нас ценит, ведь к нам надо издалека и так, чтобы пробудить доверчивость... – словно тень говорит с тенью. В ответ другая тень, показалось, чересчур резко:

– Но миром правим мы! Вы все от нас зависите!

– Ну-ка брысь отсюда!.. Дрянь кошка! Как с кавалером пожалует, обязательно что-нибудь стибрит. Где мои котлеты?! Говори, паршивая! Чем теперь детей кормить буду?

Чистые создания

– Сыновья у Ицхака были близнецами... Ныне говорят «двойняшки» – не похожи то есть... Старшего Исава отец любил больше, однако Ривка желала первородства для второго – Иакова...

– Бедный Ицхак! Старика-слепца провели, мог ли представить, что Исава купят за миску чечевичной похлебки!

– Вкусная, видать, была.

– Жизнь отыгралась на Иакове: полюбил Рахель, а ему подсунули в жёны старшую ее сестру Лию...

Назойливая болтовня спутницы под лестницей, где коротали время, пока чада занимаются в хоре, утомляла, но под звуки, несущиеся сверху, из актового зала, создавала сладостную атмосферу инобытия, ускользнувшего от жизни.

– ...Сёстры наперед обо всём договорились! Предположим, Лия обманным путем провела бы Иакова, ведь он точно так же поступил с братом Исавом, но чтобы сестра обманула сестру – никогда!

– Братья действуют друг у друга за спиной, а сёстры нет?

– У женщин нет коварства! Не зря о нас говорят «чистые создания»...

– Ну вы, чистые создания, – перед ними тетка со шваброй, – поднимите ноги да повыще! Топают тут, грязь развозят. Нет чтоб сменную обувь иметь! Не бабы, а суки!

Бильбуль

Приехала в Израиль к сыну, в моём распоряжении месяц, и дерзости хоть отбавляй!

– Пойду погуляю по Иерусалиму, есть словарь, записала несколько нужных фраз – что еще надо человеку, который грезил о таком путешествии?

– Ты не поймешь, что тебе ответят! – напутствует сын.

– Почему? Есть жесты! Человек всегда поймет человека! Не джунгли!

Иду, люблюсь обилием всего, смотрю... – лестница – вниз и лестница – вверх, мороженое всех цветов и сортов, запах кофе обалденный... Вдруг ловлю себя на том, что потеряла ориентир, хоть сын мне всё растолковал: «Пойдешь по Кинг-Джордж, оттуда свернешь на Яффо, там дойдешь до площади Давидки и сядешь на автобус...»

Легко сказать, а в какую сторону двигаться? Кидаюсь к идущему прямо на меня мужчине и бодро, уверенно: «Яфе рехов Яффо?» – Не глядя, кивает и следует дальше. Я к женщине: «Яфэ рехов Яффо?», – в надежде, что окажется внимательнее, но слышу вежливое «кен», что значит «да», и... снова ускользает. Получив на третьей попытке очередное покорное согласие, лезу, растерявшись, в словарь: не так спрашиваю? С изумлением обнаруживаю, что вместо эйфо – «где», я говорю яфе – «красиво», и мой вопрос: «Где улица Яффо?» – звучит не без пафоса: «Красивая улица Яффо!» Мало того, что эйфо перепутала с яфэ, так сюда еще и Яффо вклинилось!

Дома рассказываю о своей путанице в голове – «бильбуль» (это слово в иврите понимаешь сразу), не скрывая удивления: почему все спокойно выслушивали меня, вежливо отвечали и

никто не поинтересовался, что это я ко всем пристаю со своими восхищениями?

– Ой мама, – мне сын, – по Иерусалиму столько сумасшедших ходит, если на каждого внимание обращать...

Как быть с попугаем?

Сын только-только обосновался в Израиле, ему предстояла военная служба – недолгая, правда, по масштабам страны, всего шесть месяцев, так как успел отслужить в Союзе, разумеется, решили, что на это время буду с ним: обстоятельства с годами обретают смысл возвышенного поступка...

Непросто вырваться, ушла с работы, урегулировала дела и поселилась в его комнате – с компьютером и попугаем, который меня постоянно клевал – из ревности. В Москве на меня смотрели как на безумную – подумаешь, служба в армии, там же лафа, дом отдыха, по сравнению с нашими условиями, но рейтинг мой – «героической мамаша», только рос. Не заметила, как прошли полгода – бесчисленные встречи, прогулки по Иерусалиму, начала в близлежащем ульпане учить иврит, встречала сына по шабатам, слушала его рассказы и чувствовала, что выполняю свой гражданский долг.

А совсем недавно нашла письмо сына тех лет: «Мама, постарайся приехать – мне не с кем оставить попугая».

Мультифокальные очки

Водрузила на нос, идут ли мне – не знаю, но чувствую себя легко и уверенно. Тороплюсь, захотела со мной повидаться молодая девушка, которая когда-то снимала у меня квартиру в Москве, приехала в Израиль туристкой. Расставаясь, посоветовала ей не сидеть одной на скамейке, чтобы не приставали мужчины: они здесь одинокие и навязчиво ищут знакомства.

– Неужели к вам еще кто-то пристаёт? – выпучила на меня глаза.

Вспомнила, как лет двадцать назад, приехав сюда в гости к сыну, я задержалась на чьем-то дне рождения и не очень спешила: на автобус успею, идти от остановки недалеко, да и кому я нужна? «Ой, не скажите, – возразила мне тогда одна из гостей, – Израиль – восточная страна, тут любая женщина – женщина, невзирая на возраст!.. У нас своя теория относительности».

Вхожу в ракевет, комфортно, удобно, но привычного, старого трамвая не хватает: был в нем уют, и вдруг милый, обаятельный, но сильно пожилой мужчина встает и уступает мне место. Ага, оправу выбрала удачную, отмечаю, но краем глаза выхватываю за спиной свободное место, и, поблагодарив, сажусь туда, отметив про себя его красивые, сочные, живые глаза... На каждой остановке замечаю: приподнимается, потом снова садится. Хочет выйти вместе со мной – соображаю я.

Вскакиваю, моя остановка, он встает вместе со мной, и тут вспоминаю предостережение оптика: осторожность вначале, особенно, «если выходите из автобуса или спускаетесь по лестнице, у вас другой ракурс, непривычное расстояние до пола...» Хватаюсь руками за всё, за что только можно уцепиться, и тут мой знакомый быстро и, не глядя на меня, выходит. Ну да, решил, что я еле ноги таскаю!.. Подвели модные окуляры!

Градус вежливости

Какие мужики невежливые, просто хамы, сидят, развалясь, будто место купили на всю жизнь. Противно смотреть. Женщины стоят, все с сумками, ни один не уступит. А ведь, небось, есть у них мать...

– Садитесь, пожалуйста!

– Что вы, что вы!

Неужели так скверно выгляжу?

– Мне выходить, а вы стали на самом проходе...

Лекарство

Я давно всех предупреждаю: меня боятся компьютеры, куда ни приду, сразу зависают. Особенно в банке, никак не могу деньги получить, пришлось сыну доверенность дать. «Играть не пробовали?» – врач смотрит на меня с интересом, нескрываемым.

– Мне нельзя, азартная.

– Тогда не будем рисковать. Выпишу таблетки. Первое время спать будет тяжело.

Еду в машине, привычная дорога чуть укачивает, сейчас туннель, и я дома. Въезжаю, не придавая значения, что справа почти нет освещения, и со всей силы врезаюсь в стоящую впереди машину. Тут меня оглушили крики, сирена, передо мной чужая разбитая

машина, помята и моя, меня о чем-то спрашивает полицейский, указываю на полутемный туннель и... просыпаюсь.

- Я же вас предупредил, – мне врач, – будут беспокойные сны...
- Но на моей машине действительно вмятина!
- И есть бумага о происшествии? Страховка у вас была с собой?
- Была-то была, но куда делась, не помню...
- Поищите получше.

Снова полезла в сумку, достаю вчетверо сложенный лист: «Она!»

– Видите? А неприятности остались во сне. Значит, хорошее лекарство. Подействовало.

Без наркоза

В общежитии на Ленгорах было много иностранцев, наши однокурсники, изучая английский, предпочитали дружить с американцами, с ними было весело и интересно, а к тем часто приезжали друзья. Всех интересовал Советский Союз.

И вот однажды заезжая американка стала доказывать нашим, что в Союзе прекрасно всё: образование, «вон, как живете!» и, разумеется, великолепная медицина. Мы соглашаемся, верно, бесплатная, с этим никто не спорит, но... – поди найди хорошего специалиста: бесплатная медицина при платных врачах! «Это всё детали!» – отмахивалась она, не улавливая наших прозрачных намеков. И одна из девчонок не выдержала: «А сделать без наркоза аборт – не хочешь?»

Американка долго и громко смеялась нашей шутке.

Спецхрам

Нас с Фойкой связывало страстное желание понять, как могла произойти революция? Доставали разные материалы, какие привозили из-за границы, обменивались ими (публикации пошли при перестройке, но мы уже всё это знали), кое-что выписывали из спецхрана (однажды кто-то из сотрудников позвонил мне домой, и мой десятилетний сын бойко отрапортовал: «Мама уехала в спецхрам»), но требовалось обоснование, и можно было засветиться. Каждая из нас находила и «потрошила» своих «старушек». Моя соседка по квартире рассказывала, как их раскрепостила революция, они стали красить губы, ходить в сарафанах... «Я работала в Историческом

музее, а там были порядки! На меня начальница косо смотрела, но я своего поведения не меняла». Ответ был живописный, но ничего не объяснял.

И вот однажды ко мне прибежала Фойка, я схватила пачку сигарет, и мы дунули наверх. «Беседовала с графиней. Спрашиваю, как же вы могли, интеллигенция, допустить революцию? И знаешь, что ответила? “Детонька, так ведь это были бандиты! Как им противостоять?” Ты поняла? Ни законов, ни правил!»

Да, уж теперь-то я точно поняла.

Паре машез!

Если доставалась по случаю шмотка, бежали к нашему эксперту Фойке, она работала в науковедении и знала абсолютно всё: не только кто и что носит, но где какая погода, что сказали по тому или другому радио, последнее о Солже, его к тому времени уже выдворили, – курили на лестничной площадке, выслушивая ее анализы с места событий, но высказываться бывало опасно, а вдруг не совпадет с ее мнением, можно загреметь с шестого этажа.

Фойка рассматривала предлагаемые кофту, платье, а повезет – и джинсы, как сидят, сколько стоят, цвет, качество, фасон, кто продает, и отпускала: «Паре машез!» – сигнал «брать». Как-то кто-то из нас, показав очередную тряпку на вынос, поинтересовался:

- А твой ярлычок сюда сподится?
- Что за ярлычок?
- Ну фирма, вроде Версаче, которую ты называешь.
- А, паре машез? Так это по-армянски: «Носи на здоровье!»

Всё понарошку

Кого только не было в нашей Библиотеке – татарин, армянка, грузин, даже цыган, не говоря о русских и евреях... И всякий раз, стоило нам собраться вместе, наши разговоры крутились вокруг темы национальности. Однажды я попросила всех назвать народ, который не доносил бы на своих. Пришлось признаться: такого нет. В неприсутственные дни можно было посидеть уютно в комнате, а не выходить за разговором в коридор, и если позволяли наличные, попить чего-нибудь крепкого, вроде коньяка, и похож на чай, только ложку в стакан положи.

Вдруг помрачнел наш Цыган, обычно нет-нет да перекинется на своем языке с кем-нибудь из лингвистов.

– Тяжело переживает смерть тещи? Бывает же такое, – шепчу.

– Не смерть, а предсмертную тайну, – мне Татарин. – Ведь дочь свою они выкрали.

– В наше время? – не унимаюсь.

– Своих детей, наверное, не было, а тут такая красавица.

Приходила к нам – белотелая блондинка, и малыш – такой же белокурый, вызывали общее восхищение.

– Больно светлые! – язвила наша «социально активная» Армяночка: доставала книги, распространяла литературу, при любой погоде слушала радио – для нашего ликбеза.

– И у нас есть аристократы, – парировал Цыган.

Происхождение затрепало по швам. Твердо решил разводиться, но сына по живому не отрежешь...

Татарин посматривал на него с усмешкой: «Думает, если правильную жену выбрал, и дело в шляпе. Моя бьет меня, стоит не прийти ночевать – вот тебе и мусульманские нравы!» Для него происхождение было неким антисоветским актом: вопреки всему сохраняя идентичность – звучало убедительно, но сын не внял, категорически отказался ходить в мечеть, а чтобы к нему дома не приставали, записался в спортклуб и стал с десяти лет ездить на сборы.

– Все вы тут ненастоящие, – вмешался Хасид. – Он такой же цыган, как ты – татарин.

– Можно подумать, ты подлинный еврей, хоть бы раз в кипе явился...

– Чтобы загребли в сумаспешный дом?

– А кипа – это и есть ермолка? – уточняла Русская. – Звучит совсем по-нашему.

– Все так думают, а это – «йере малка», да зачем вам это?

– Почему бы тебе в шляпе черной не ходить? – задумчиво Армянка. – Тебе бы пошло...

– Может, посоветуешь меховую надеть? Мать, выходя замуж, была очарована одеянием отца, приняла гижор, а через год сбежала от его назойливых требований: этого не ешь, то в руки не бери, свет не зажигай, свет не гаси...

– И ты обрезанный? – всплеснула руками Русская. – Ведь это опасно!

– Хочешь покажу?
– Эка невидаль, – ему Татарин. – Я тоже могу показать...
– Вот-вот, – говорю я, – соблюдать традиции – великое дело...
– У вас всё понарошку! – не выдержал Хасид, мне: – Ты только говоришь про евреев, а что о них знаешь? Отмечаешь какой-нибудь праздник?

– Мацу на песах ем, хамец однажды искала, – ответила я, растерявшись.

– А ты? – повернулся он к Татарину.

– Я в мечеть по пятницам хожу, – закричал в ответ, – а ты хоть раз был в синагоге?

Тут приоткрылась дверь, и чья-то голова произнесла: – Хотите, чтобы вас всех посадили?

– У нас сегодня неприсутственный день, мы одни...

– Для ушей выходные не писаны.

Уже в Израиле, чтобы не проехать остановку, я стала в автобусе искать глазами какого-нибудь верующего, по опыту зная: «датишные» внимательно выслушают и правильно посоветуют. Тут входит, ба, да это наш Хасид, как полагается, в черной шляпе и в черном костюме, из-под полы виднеются цицис, за которые держится его дочка, младший ребенок в коляске, а два мальчика: «Шву, шву!» – кидаются на свободное рядом со мной место.

– Вот так встреча! Шолом!

Он застенчиво улыбается, кивая головой.

– Теперь ты настоящий! – и сходу начинаю рассказывать, словно продолжая наши разговоры без начала и конца, что только здесь поняла, зачем по пятницам моя бабушка покупала халу в булочной рядом с домом, однажды я попросила купить ее в будничный день, но она так странно мне ответила: «Будет шабат – будет и хала». У меня шабат ассоциировался с уборкой в квартире, и стелилась свежая скатерть...

Хасид смущенно на меня смотрит, но тут я вижу свою остановку, быстро выпрыгиваю из автобуса, помахав рукой и... Остолбенела. Он же ни слова не произнес по-русски: обозналась!

Кофточка

Мы в гостях у бабушки – матери отца, которая нас не очень жалует (в отличие от другой), мы платим той же монетой и за спиной

у родителей называем ее бабка Надя. Высокая статная старуха, она всегда ходила в маленькой черной шляпке с вуалью по самый нос, что мало сочеталось с ее ростом, и в тонких кружевных перчатках, снимая которые произносила: «Руки мыть не буду. Только что из дома». Как-то у нас был семейный выход в кино, она заехала к нам, и папа, увидав ее в таком виде, опешил: «Ты как вырядилась?» Мама с трудом уговорила его успокоиться.

Обычно мы все ее навещали по праздникам, но папа был в командировке, и нам с мамой пришлось ехать одним. Мама расфуфырена, на ней модная мохеровая кофточка светло-зеленого цвета, пушистая и нарядная. Хочет привлечь внимание бабки и вопреки правилам приличия сама напрашивается на комплимент.

Бабка Надя погружена в подготовку чая, живет одна, для нее это целая процедура. С трудом отрываясь, поднимает на маму глаза, будто впервые увидала, пристально смотрит и, щурясь, роняет: «Мне такое не пойдет».

Нас распирает смех, но сдерживаемся. Бабка без чувства юмора, анекдоты объясняла, как дорогу показывают. «Не вздумайте рассказать папе», — нам мама, отчего смеяться хочется еще больше.

Тонкие иглы

В каждом дворе были свои кошки. Где жила наша — не помню, но кормили ее все и относились как к родной. Она с завидной периодичностью приносила котят, которые, вырастая, неизвестно куда исчезали — с ней не остался ни один. Первые роды были для нее сущим испытанием. Она не успела спрятаться, не приготовила себе закуток и схваченная внезапно, оказалась посреди двора. Мы сгрудились над ней и смотрели, считая, как вылезают котята (после чего я стала бояться своих «больших дел», убежденная, что сейчас из меня ползут котята). Они были слепыми, разными, кто-то из детей брал их, чтобы получше рассмотреть, и когда ее роды отпустили, не обращая на нас внимания, она их передушила — всех четверых, одного за другим. Потом встала и исчезла. Мы остались потрясенные, кажется, я рыдала, кто-то пытался сделать котяткам искусственное дыхание, но пришли взрослые, собрали их и унесли.

Вскоре кошка снова окотилась — на этот раз удачно, и котят показала нам, когда они подросли. Мне хотелось, чтобы она их

приласкала, и, взяв одного из них, водрузила ей на шею, она вцепилась мне в руки, пока не отпустила котенка, и тут я заметила, что исцарапана в кровь.

На следующий день бабушка повезла меня и сестру на проверку перед отъездом в лагерь. Врач тут же обратила внимание на мои руки, опасаясь экземы или какой заразы: «Что это?» Говорю, что кошка.

— «Домашняя?» — «Дворовая». — «Девочку не возьмем!» — тут же бабушке. Но та умела уговаривать, в итоге, врач согласилась при условии: мне делают сорок уколов в живот, а бабушка ловит кошку и в течение этого времени следит, не бешеная ли.

Медсестра тут же успокоила бабушку: — «Не волнуйтесь, у меня есть самые тонкие иглы!»

Дома мне, конечно, попало — и за кошку и что много болтаю: «Зачем говорить, что кошка дворовая?» — «Но у нас дома кошки быть не может, — убеждала родителей, — у нас же собака!»

Отловленную кошку держали в специально сколоченной клетке на лестничной площадке, под лай и скулëж пса, который не отходил от двери. Бабушка кошку кормила по всем правилам, убирала клетку, и когда вышел срок, никак не могла прогнать: та упрямо возвращалась. Уютный плен она предпочитала воле, полной опасностей.

Коричневые шары

Позвонила Хеленка и попросила прислать свои фотографии, которые мы выставляли у нас в издательстве: сегодняшний Израиль, увиденный полькой, для которой главным духовным стимулом стало понять, почему случился Холокост. Начала чуть ли не с дипломной работы на историческом факультете университета, а завершила поездкой в страну, где ее будто ждали: столько друзей обрела сразу, особенно среди тех, кто уехал из Польши до войны — они сохраняют самую горячую любовь к ней, в отличие от новоприбывших.

Я растерялась. На почте, сжав губы, проциклили: «Нестандартное не берем». И правда, фотографии 670 на 210, надо упаковать целый десяток: тут — еврейский мальчик, там — арабский подросток, здесь мечеть, а тут улица и череда домов вверх-вниз, типичная для Иерусалима, синагоги, храмы и люди возле них, всё близко, на одном пятакче, почти смешано и освещено общим солнцем, рассеивающим

сияние: «Наше солнце приятное», – нет-нет да и проговорит кто-нибудь из жителей. Ей хотелось запечатлеть расшифровку самого названия: Ир-шалом – Город мира...

Кинулась к нашему старинному другу. Он – бизнесмен, есть же у них курьеры. В обнимку с фотографиями – как смогли упаковали – иду заставленными машинами переулками, боясь уронить нелегкое сокровище и держа возле уха мобильник.

Ну вот, фотографии уже в багажнике, я – на удобном диване, в уютной машине, пристегнувшись начинаю расслабляться, – иначе упала бы вместе со своими пакетами, услышав: «Сегодня я потерял половину своего состояния!» Этот всегда безукоризненно элегантный, высокий мужчина с красивой крупной головой, замечательный отец троих мальчиков... разорился?

– Давайте куда-нибудь поедem... поговорим... – предлагаю, не зная, чем утешить. А он неожиданно: «Как это у вас получается, свои воюют со своими же, ведь украинцы для вас – не иностранцы? – Вопрос азербайджанца резонный. – Вы себе представить не можете, какими словами сегодня высказываются люди – простые, обычные, я хорошо их знаю, о Киеве...» Да, подобные темы не обсудить ни в кафе, ни в ресторане, тем более что начались дикие зимние празднования, «корпоративы гуляют» (буду сидеть до двух ночи у сестры в ожидании такси – ни одного свободного!), сплошное веселье, даже если убивают, если рухнули деньги и завтра всё провалится в тартарары.

– Я знаю, где мы посидим, – наш друг везет по Садовому кольцу на Таганку, едем плавно, наблюдаю за переменами, не часто тут бываю.

Машина ставится прямо в моем дворе, где мне всё еще мерещится дом, трехэтажный, кирпичный, в его строительстве принимал участие прадед. Рассказываю об этом скороговоркой, чтоб никаких слез, выходим из машины, лишь рукой в темноту: «В двух шагах отсюда, где сейчас скверик из деревьев, которые сажали в честь родившегося ребенка, я выросла и прожила ровно сорок лет – мистическое число».

Но нет времени на философские раздумья о времени, Друг ведет меня в офис – яркий, в себе уверенный с охранниками, протягивает проходную карту.

«Девятнадцатый дом», – отмечаю про себя, оглядываясь. Никому не объяснить, что эта волшебная цифра означала соседний дом (наш

двадцать первый) и была кодовым названием маленьких магазинчиков с хлебом и всякой бакалеей, располагавшихся в нем, тут все друг друга знали, и нас с сестрой, шестилеток, посылали сюда за французскими булками по 6 копеек, а на сдачу разрешали купить круглые шоколадные конфеты, которые мы называли «коричневые шары». «Пойдите в девятнадцатый дом и купите...» – нам бабушка, иногда просила и соседка. Разумеется, сдача превращалась в шары, мы опрометью летели, бросив игру, подружку, всё на свете. Закормленные до тошноты настоящим, светлым кусковым шоколадом – бабушка покупала у какого-то летчика, делала из него какао, шоколадное масло и много чего еще, – мы ему предпочитали шары.

Я снова здесь? Странное ощущение потерянности, несмотря на приветливость и гостеприимство вокруг разлита паника, хотя все здесь вроде бы спокойны и вежливы, нарастающая боль начинает спланивать людей между собой, как соединяют общие голы, забитые в ворота противника, есть нечто непредсказуемое и в то же время вечное...

Мне принесли чай, села писать телефоны и адрес моей Хеленки, поднимаю глаза: передо мной вазочка с круглыми, шоколадными, теми самыми, обливными и такого же размера конфетами, чтобы одной, не раскусывая ее, заполнить рот. Не выдерживаю: «Почему именно этими конфетами вы меня угощаете?»

– Какие были, – простой, без лукавства ответ как нельзя лучше подчеркивает случайность того, что я снова тут, наслаждаюсь незабываемым лакомством. Вокруг неестественно яркий свет, и всё вокруг неестественно и в то же время привычно, как бывают привычными разговоры об аварии у автомобилистов... Что происходит, на каком витке судьбы я нахожусь – своей личной или того общего, куда страшно вляпаться?

На улице грязь, слякоть, туман, сквозь него, как сквозь прошлое, вижу знакомую дорогу к метро, мне наш друг показывает, где остановка троллейбуса, но я сама знаю, доберусь, каждый камень меня тут знает... И значит, помнит. Во рту радостный вкус моего маленького, не покинувшего меня счастья, из того далекого бытия, когда фразы о войне, голоде и инфляции для меня еще ничего не значили.

Александр Лаврухин

Царицынский выстрел

Графика

Биатлон

Лыжные гонки

Горнолыжный спорт

Сноуборд (Виктор Вайт)

**Фигурное катание
(Евгений Плющенко)**

Прыжки с трамплина

Фристайл

Хоккей

Кёрлинг

Шорт-трек (Виктор Ан)

Конькобежный спорт

Бобслей

Саный спорт

Скелетон

Татьяна Михайловская

ИЗ КНИГИ «Короче»

Если

Если надавить на глаз, брызнет литература.

Если ударить в живот, крикнет литература.

Если прострелить сердце, вытечет литература.

Если встать перед зеркалом, на тебя глянет литература.

Если пойти в баню и хлестнуть себя веником, то из всех пор выступит литература.

Есть ли что-нибудь такое в человеке, что литература не оплакала бы, не осмеяла, не разобрала бы по косточкам?

Наблюдение

Ученик седьмого класса Попов заснул на уроке литературы. То, о чем говорила учительница, его мало интересовало, а если честно, совсем не интересовало, поэтому он спал без зазрения совести, от всей души.

Через год ученик уже восьмого класса Попов спал на уроке литературы. А еще через год ученик девятого класса Попов спал на уроке литературы. И наконец ученик десятого класса Попов спал на уроке литературы.

Литература однако все это время не спала — она наблюдала, как ученик Попов спит. Когда же все классы кончились и ученик Попов перестал быть учеником, но остался Поповым, литература потеряла к нему интерес и, зевая, отвернулась от него.

Сомнение

Есть люди, которые все время спрашивают, как им жить дальше. Сомневаются они и в своих поступках, и в чужих. Всё-то им кажется, что то ли они неправы, то ли другие ошибаются, но в любом случае ничего определенного для них в мире нет. Мир качается. Будто его на весах взвешивают и никак взвесить не могут: на одну чашу весов гирьку положат – и тут же на другую перекаладывают.

Если посторонний человек слишком приблизится к этим сомнениям, то его непременно вскоре укачает, как при морской болезни.

Разница

Если по радио ведущие порют чушь, то сразу радио выключаешь. Если такую же чушь услышишь по телевидению, то начинаешь смотреть на одежду ведущих. Поэтому ведущие развлекательных программ придают особое значение своему внешнему облику. Доказано: телевидение опаснее радио.

Алгебра

Казалось бы – если ты ничего не умеешь, сиди себе скромно, уши насторожи, глаза раскрой – других слушай, смотри в оба, учись – ан, нет! Откуда у них, кто мало что знает и мало что умеет, такая уверенность в себе, что их так и прет вперед, в первый ряд, с воплем «Я знаю!», «Я могу!» – откуда? Их прямо-таки распирает изнутри сознание своей превосходной степени, и чем меньше истинная способность, тем больше она представляется ее обладателю выдающейся. Правая часть уравнения у них никоим образом не вытекает из левой. Ну, непостижимая алгебра!

География

Вынырнешь из моря, схватишь сушу за нагретую солнцем шкуру и потянешь к себе, в воду, а она упирается, ползти не хочет, а ты ее по камешку, песочком присыпая, к себе, к себе – и так постепенно образуется мысок, мыс, полуостров...

Урок

Некоторые люди не ценят хорошего отношения. Чем ты к ним лучше, тем они к тебе с фигой. Если ты над этой фигой посмеешься, рукой махнешь, мол, ерунда это, яйца выеденного не стоит, то очень скоро эти самые люди тебе две, потом три фиги покажут, и обернется всё в конечном счете обычной фигой, в смысле ругани, а, может, и драки, и полного разрыва всяческих отношений.

И тут самое главное – не возобновить их вновь. Не слушать, когда начнут канючить, просить прощения, уверять, что ничего плохого не хотели – заткнуть уши, залепить воском, привязать себя к мачте, всё, что угодно, только не мириться, не дать себе успокоиться, махнув рукой, мол, ерунда это, выеденного яйца не стоит, не помню я никаких фиг, не было никакой такой фигни... Выведи на компьютере, большими буквами, и повесь при входе:

НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ ХОРОШЕГО ОТНОШЕНИЯ НЕ ЦЕНЯТ.

И повторяй как урок.

Мечта

Люблю помечтать. О чем? Да каждый раз о разном мечтается. И такое это разное – разное, что прямо противоположное. Например, мечтаешь сделать ремонт, а начнешь его делать, так сразу начинаешь мечтать, чтобы его закончить. И подобных мечтаний – сотня на день.

Но есть мечты глубокие, которые за всю жизнь, может, так и не удастся воплотить. Я знаю, один ученик семинарии мечтал жениться на хорошей девушке, чтобы вышла из нее добрая попадья ему – и что же? Женился на ком бог послал, живет с ней который десяток, детишки вон разбежались, а мечта его, несбывшаяся, всё по прежнему его беспокоит. И так беспокоит и эдак, прямо-таки власть над ним забрала, сладу нет. Уж как он ее не гонит, и постом и молитвой и на исповеди каялся, а мечта никуда не девается. Духовник ему прямо сказал: «Ты с этой мечтой так и помрешь». Да, бывают мечтатели на свете. Всю жизнь живут и мечтают о хорошем. Я их понимаю – о хорошем как же не мечтать?..

Стратегия

«Главное для меня – это поймать момент, схватить его, чтобы навек запечатлеть на пленке таким, как он есть. Второго такого момента не будет и потому нет двух одинаковых кадров», – сказал один фотограф другому.

«Главное – не то, что ты увидел, а то, что я хочу увидеть», – подумал второй.

Падение

Если долго обманывать других, то в конце концов научишься обманывать и себя. Некий служивый человек, назовем его вымышленным именем Степанов, несколько лет сознательно убеждал всех вокруг, что он самый главный в своем деле. И что же? А то, что сам действительно поверил в это. И как только поверил, сразу поставил стул на стол, вскарабкался наверх, встал на пьедестал и говорит своим домашним: – Я король Солнце Луи Бонапарт Медный всадник и Каменный гость – а вы все на колени в моем присутствии!

Домашние, конечно, к небу руки простерли и на колени пали:

– Так точно ваше медно-каменное величество! Приказывайте – мы повинемся!

Только Степанов открыл рот, чтобы издать какой-нибудь приказ, как в комнату вбежала соседская девочка, совсем маленькая, из тех, что букву «р» говорить еще не научились, увидела Степанова на пьедестале и как закричит:

– Дяденька Степанов, прыгай сколей!

От неожиданности, к ужасу домашних, Степанов тут и рухнул.

Ах, дети, дети!

Древнегреческое

Мальчик, стройный и чистый, из приличной семьи, вырос и теперь предстал передо мной – пузатый бородатый дядька с проплешиной на голове и красным носом, в руке у него дымилась сигарета, сливаясь запахом с вонью утреннего пива, заношенного белья и нечистых

помыслов. О боги, ты, Зевс, и ты, Протей, кто из вас отвечает за этот безобразный образ, кто насмеялся над замыслом матери Геи, кто оскорбил зоркооких богинь сим непотребным обликом? Бойтесь гнева их праведного и заслужите прощение побыстрее, превратив гнусного смерда снова в чистого розового младенца, и проследите, чтобы во второй раз прошел он свой путь достойно.

Развод

Один человек развелся с женой. Нет, конечно, не один человек развелся с женой, а много их развелось, то есть с женой развелось, каждый со своей, я имею ввиду. Как вы понимаете, с чужой ведь развестись невозможно, а то бы все поразвелись, потому что с чужой женой развестись гораздо легче, чем со своей, поскольку жилплощадь у вас разная, и дети необщие, и ты ей ничего не должен; при таких условиях развестись одно удовольствие, парк культуры и отдыха, как в старину говорили. Можно даже и шампанского на радостях выпить и ночью с бывшей чужой женой кое-что изобразить. А что? Свободным людям это не противопоказано.

Другое дело со своей женой, хоть и бывшей. С ней даже развестись толком не получается. То на одной кухне чайник по очереди греть, то детей по очереди спать укладывать, а уж ночью сиди за своей дверью и не прислушивайся. Вот я и говорю, один человек развелся с женой, а потом на ней же снова и женился.

Затмение

Нет ничего страшнее затмения луны. На первый взгляд кажется — ну что тут страшного? Ну не видать ее, да кто вообще на нее смотрит? Кому она нужна? А в том-то и страх, что никто не смотрит, а она за тобой подглядывает. Интересно ей, что ты там внизу делаешь. И в результате этого подглядывания получается, что ты начинаешь делать нечто природе своей несообразное. Вот в прошлое затмение, например, одна теща взяла и своего зятя-милиционера, в стельку пьяного, его же наручниками на лестничной клетке к перилам и приковала. А сама в магазин пошла.

Вскоре милиционер этот не то чтобы протрезвел, но очнулся. Увидел себя в наручниках, прикованным к перилам на лестнице, и как закричит: «Выпустите меня! Дайте мне человеческую свободу, я без свободы погибну!»

И так он от души про свободу кричал, что соседи даже заслушались. А теще его хоть бы что. Вернулась из магазина и пошла на кухню щи варить.

Она его до утра прикованным держала, пока затмение не кончилось.

Кольцо

Я надеваю на палец кольцо и смотрю на него. Это самый загадочный предмет на свете.

Кольцо Соломона, которое он носил не снимая, говорило ему об одном, — что он обладает временем, но не вечностью, и царь слушал его днем и ночью.

Кольцо Поликрата, сверкающее камнями, брошенное им в море в дар богам, вернулось к нему, говоря, что счастье не во власти человека, но самосский тиран не внял его безмолвным словам.

Кольцо, снятое с руки обезглавленного Помпея Магна, — лев с мечом — и поднесенное Цезарю, вызвало слезы у будущего божественного Юлиуса, увидевшего вдруг себя залитого кровью двадцати трех ран.

Кольцо юного Пушкина, полученное от обожаемой любовницы, своими древними таинственными знаками на сердолике предвещало ему непостижимость и неверность любви, — он целовал его, а потом забыл, так и не прочитав.

Кольцо с бриллиантом сверкало на руке Нижинского. Дягилев немедленно заказал для него у Картье кольцо с сапфиром. Танцовщик легко сменил белый блеск на синий. Но это ему даром не прошло. Через несколько лет на пороге психиатрической клиники он отдал подаренное кольцо с синим сапфиром санитару в белом халате. Бриллиант не простил измены своей чистоте.

Много их, простых и драгоценных, осталось в могилах прошлого, на страницах книг, в сказаниях и песнях, в истории, в истории людей, в моей истории...

Огонь

На сто двадцатую весну красавица цыганка поняла, что состарилась. При виде широких мужских плеч сердце ее больше не дрожало, манящий взгляд не соблазнял к ответу, чужая молодость не жалила ревностью. Босые ноги ее обошли всю землю и стали коричневыми, ни снег, ни дождь не отмывал их. Даже золото, которое привычно брали ее высохшие руки от разноплеменных доверчивых и страждущих, потеряло свое тепло.

Закутавшись в шаль, сидела она у костра и сосредоточенно смотрела на огонь. Там жила вечность.

Лапти

Царь Петр Первый страдал нервным тиком, но любил работать с инструментами. Топор, пила, рубанок, фуганок, свёрла разные — всё это он легко одолел. Строительный, плотницкий инструмент освоил, морской тоже, компас, сектант. Затем зубодерный инструмент привлек его внимание, опробовал его на придворных и в отличие от оных остался доволен своим умением. Говорили, что не было такого ремесла, к которому бы Петр не приложил руку и не преуспел бы в нем.

Одной работе царь так и не сумел выучиться — плести лапти. Пробовал не раз — да ничего не вышло. Оттого и сёк до крови тех, кто это умел, — лапотников. А те и под плетью и под розгами своей тайны не выдавали. Лапти плести — искусство, Богом данное, не каждому доверено, будь ты хоть царь, хоть мужик, хоть любая тварь живущая. Не знал царь Петр Первый своего народа.

Болезнь

Граф Лев Николаевич Толстой считал, что его жена Софья Андреевна психически больна. Не однажды обращался он к профессору психиатрии Сергею Сергеевичу Корсакову с просьбой освидетельствовать ее на предмет ее душевного состояния. Тот однако отказывался считать ее возможной своей пациенткой, справедливо полагая, что

графиня на редкость крепка телом и духом, если не один десяток лет выдерживает такого мужа с его непомерными требованиями ко всем окружающим. Утирая лоб платком и унимая одышку, профессор внимательно смотрел на седобородого графа, и тот невольно отводил взгляд, чтобы не дай бог этот проклятый толстяк не проник в его тайную глубину, где царила рублевая баба в задранном сарафане над ним, лежащим в припадке.

Политика

Матильда, марк-графиня Тосканская поддерживала Римского папу в его борьбе за право давать подданным инвеституру, то есть утверждать их владения.

Зачем она вмешивалась в эту денежную распрю между папой и императором? Разве мало было других дел, в которые следовало бы вмешаться? Вон в Самарканд прибыл Омар Хайям, алгеброй занимается, стихи пишет, календарь реформирует. Святой Ансельм доказывает существование Бога, а в Шампани Раши комментирует Тору. В Болонье университет основывают. В Дувре строят мельницы на приливной волне. Бог мой, сколько всего начинается, зарождается на глазах, такая эпоха!

А Матильда возле папы Григория VII вьется, все ждет в своем замке Каносса, когда же он и император Генрих I У встретятся. Не понимает, что политика не история.

Макаронны

Когда Гоголь вернулся из Италии, то привез с собой макаронны. Собрал друзей, сам приготовил итальянскую диковину, всем по тарелкам разложил – угощайтесь, дорогие гости. А дорогие гости в смущении перед чужой едой, не поймут, для чего такое едят. Бедный Аксаков даже лицо салфеткой прикрыл, чтобы не видеть этого вареного безобразия.

В наши дни некий итальянец был страшно возмущен, когда при нем одна русская иностранка, смеясь, заявила, что нет ничего проще, чем сварить макаронны, и что когда у нее нет времени приготовить ужин, она варит эти самые – ха-ха-ха – макаронны. «Дикие люди,

– подумал итальянец, с трудом подавив свой гнев, - варвары! Вы их даже есть не умеете, не то что приготовить!»

Бедняга, он ошибался. Дело не в кулинарном искусстве, а в том, что этой русской иностранке всё на белом свете было проще простого и тем более каких-то макарон – ха-ха-ха и вообще пареной репы.

Развитие

Пушкин играл и проигрывал. Но семью содержал.

Толстой играл и проигрывал. Брал у Тургенева в долг.

Достоевский играл и проигрывал. Клянчил у жены без возврата.

Так развивался психологизм русской прозы.

Про деньги

Некоторые остряки говорят, что не деньги портят людей, а их отсутствие. Однажды при мне такое было сказано, и я поправила шутника и сказала: «Верно, не деньги портят людей, а люди – деньги». «Как так»? – удивился он. «А очень просто. На деньгах ведь не написано, как их следует потратить. И вот один на эти денежки корыто с шампанским наполняет, другой пол золотом выкладывает, третий голых девочек с крейсера в набежавшую волну вбрасывает, плавать учит среди льдин, а четвертый, или четвертая? про систему ценностей сказки рассказывает, а именно: в передаче для малышей дензнаки на экране показывает, только пустые, и предлагает, раскрасьте, мол, дети сами. Разве этих людей испортили деньги? Нет. Они такие уродились, уроды в общем. Ничего не умеют, всё портят и деньги в том числе». На это мне никто ничего не возразил. А что тут возразишь?

Провинция

Один поэт, который жил в провинции, всё мечтал уехать в Америку. Здесь, мол, его талант пропадает, а там ему сразу премию дадут, потому что как же не дать – в Америке русскому поэту всегда премию

дают. Как только с трапа самолета сойдет, к нему все напрямик бегут и премию вручают. И сразу он становится всемирной знаменитостью, глобал рашен поуэт. Приблизительно.

И так он год мечтал, два мечтал, три мечтал, четыре, пять – и домечтался. Подобрали его на улице менты не менты, а эти, стражи порядка, взяли за ноги, за руки и в его несознательном состоянии отправили на больничную койку в отделение с железными решетками. А там все такие: кто Америку уже открыл, кто только собирается открыть, один Колумб, другой Веспуччи, а зверь самый – Кортес, весь волосатый и в татуировках. Еще у них один Рокфеллер был, но его все презирали и считали, что он подосланный врачами. Вот это отделение и называется там – Америка. Туда не всех пускают.

Крыса

Он стоит на кафедре и объясняет, каким образом они изучают разум человека. Для этого нужно много крыс, чтобы препарировать их мозг, воздействовать на него током, химией, зараженной вакциной, вживлением электронных чипов. Этот живодер полагает, что он ученый, что он что-то изучает, расшифровывает, делает открытия. Из его поганого рта вываливаются слова: геном, регуляторные участки, глубинные схемы, сигнальные молекулы, молекулярные каскады, генные смещения, адаптивные ситуации – нет им конца! Пустопорожнее говорение выстилает путь от крысы до человека. Путь от собаки до человека мы уже прошли. Крыса – это наше понижение в звании? Несчастное животное, ты достоин памятника в человеческий рост.

Загадка

Почему всех так волнует, что в 38 лет он перестал писать оперы? Да, на вершине успеха, в полном расцвете своего гения – ну и что? Удовольствие сочинять музыку закончилось, но еще 38 лет оставалось удовольствие есть, пить и переваривать.

Ковер

Сто лет назад смуглые руки иранской искусницы соткали его, наполнив темную гранатовую основу загадочными орнаментами, похожими на таинственные цветы, и цветами, похожими на загадочные орнаменты. Затем его скатали и вместе с такими же тяжелыми тюками навьючили на ишака, и он трясся по каменистой дороге. Возле пустынного колодца его сбросили, и дальше на плечах худого жилистого амбала он пересек границу, и каспийский ветер швырнул в него сухой песок.

После он плыл по городским улицам и дворам под громкие крики «Ковры! Ковры! Покупаем ковры!». Его развернули, и над ним распахнулось ослепительно синее знойное небо. Мягкие пальцы погладили его ворс и внесли в прохладную темноту дома. Там он прижался к стене и вздохнул с облегчением. С тех пор каждый раз когда его забирали к морю, чтобы окунуть в соленую воду, а после сушить на раскаленной крыше, он терпел суровое обращение мойщика с одной только мыслью, что вскоре он вернется домой чистым, ярким, пропитанным запахом стихий, и все будут восхищенно смотреть на него.

Но однажды его сняли со стены, завернули в него подушки, связали в узел и погрузили в вагон, и он долго ехал к другому морю, к другим горам. На новом месте ракушечная стена напомнила ему родину, а когда на него повесили кривую саблю, он и вовсе успокоился. О нем будто все забыли, и он потихоньку старился...

Сегодня он висит в другом краю на холодной бетонной стене, сабля куда-то пропала, и он порой ловит на себе удивленно-неодобрительные взгляды чужих людей. Он уже очень стар, краски его немного поблекли, но все же не совсем, и его таинственные цветы еще по-прежнему цветут, а загадочные орнаменты пока никто не прочитал.

Дорога

Многие полагают, что если дорога ведет вверх, то через некоторый отрезок времени она непременно пойдет вниз. Это очень распространенное заблуждение основывается на том, что дорога будто бы не может свернуть вправо и влево, поднимаясь при этом все выше и выше. Почему-то трудно поверить в то, что конечная цель пути — подняться на вершину, а не спуститься с нее.

ОБ АВТОРАХ

Авалиани Дмитрий (1938 – 2003) – выдающийся поэт, создал свой особый род визуальной поэзии – кинетические каллиграфемы. Сборники стихов: «Улитка на склоне» (1997), «Лазурные кувшины» (2000), «Я сущ? – Тшуся» (2007), «Дивноснее сновидение» (посмертное издание 2011).

Публиковался во многих антологиях и коллективных сборниках.

Березовчук Лариса – поэт, переводчик, исследователь современных поэтических стратегий (поэтика, стихосложение). Создатель эстетики «новая риторика» и поэтики предметности. Автор нескольких поэтических книг и статей, посвященных творчеству поэтов России и Украины.

Киновед. Кандидат искусствоведения, доцент. Заведующая сектором кино и телевидения Российского института истории искусств.

Живет в С.-Петербурге.

Ванталов Борис (Б. Констриктор) – поэт, прозаик, художник.

Книги стихов и рисунки: «Стихотворения» (1993), «Конец цитаты», «Уголовник» (графика) (1995), «Стихограф» (совм. с Р. Элининым) (2003), «Записки неохотника» (2008), «Слова и рисунки» (2010).

Публиковался в сборниках самиздата, антологиях, в коллективных сборниках, в альманахе «Черновик», журналах «Крепцатик», «Меценат и Мир», «Арион» и др.

Участник многих коллективных выставок в Ленинграде–Петербурге, Москве и за рубежом.

Член С.-Петербургского союза литераторов. Живет в Петербурге.

Вирапян Эдуард – прозаик, сценарист, кинорежиссер. В 90-е гг. у него вышли три игровых фильма «Белая ночь для слепого гонца», «Содом для Гоморры», «Алфавит». К своим рассказам часто делает коллажи.

Проза печаталась в 80-90-х гг. в периодических изданиях, таких как «Новое время», «Экран и сцена», «Собеседник», «Комсомольская правда», «Кино», «Наша улица»; затем в альманахах «Черновик», «Меценат и Мир», «Антиподы».

Живет в Ереване.

Галечьян Валерий – поэт, прозаик, график. Родился в Ленинграде.

Библиография: «Аналитическая поэзия». Сборник поэм (1991), «Манифест». Сборник поэзии (1994). «Буддийский дневник». Сборник поэзии, компьютерная графика (2004). «От и до...» Сборник поэзии, графика (2004). В соавторстве с В.А. Ольшанецким книги: «Страна роботов» Сказка (1990), «Взрыв». Повесть (1990), «Месть ээка». Роман (1993), «Четвертый Рим». Роман (1994), «Византия». Роман. (2004).

В 1995–2010 годах на персональных и других выставках в Санкт-Петербурге и Москве представил более 500 произведений, выполненных в традиционной и компьютерной графике.

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Коблер Эсфирь – прозаик, критик, эссеист.

Библиография: книга эссе «Истоки европеизма» (2007, изд. второе доп. 2009), книга прозы «Время разбрасывать камни» (1999), «Плоть времени» (2009). Автор и руководитель интернет-проекта «Россия – далее везде».

С 2000 по 2009 год печаталась в журналах: «Истина и жизнь», «Вектор творчества», «Литературные незнакомцы», «Мост», «Стороны света» (США), «Край городов», «Рефлект» (США), «Арго», альманахах «Лира», «Диалог», «Комментарии», «Меценат и Мир», сетевых журналах «Топос», «Вечерний Гондольер», «Точка зрения».

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Кузьмина Наталия – океанолог, литератор. Доктор физико-математических наук. Книги стихов: «Издали и вблизи» (1999), «Nymphalidae» (2005), «Последовательности» (2011).

Проза и стихи публиковались в журналах «Арион», «Соло», «Крепцатик», «Футурум-Арт», «Меценат и Мир», в альманахах «Черновик», «Тритон», в сборниках «То самое электричество», «Солнце без объяснений», «Как становятся экстремистами», в антологиях «Очень короткие тексты», «Жужукины дети», в электронном издании «Лавка языков» и др.

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Лаврухин Александр – художник, эссеист, поэт.

Персональные выставки в музее-квартире А.Н. Скрябина, в музее-квартире М.А. Булгакова, во многих галереях и музеях Москвы, Петербурга, Перми, в музее М. Шагала в Витебске, также в Доме российской культуры в Вашингтоне. Публиковался в различных коллективных сборниках и журналах.

Издания: «Поиски плохой погоды» (2000), «Не столько Петербург» (2002).

Член Московского союза литераторов. Член Творческого союза профессиональных художников. Живет в Москве.

Лозовой Александр – художник, искусствовед. Кандидат педагогических наук. Его работы хранятся в музеях страны, в том числе в Русском музее (Санкт-Петербург), в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (Москва), в Музее современного искусства (Москва), в Архангельском музее изобразительного искусства, в Ярославском музее изобразительного искусства, в Историко-архитектурном музее «Новый Иерусалим», в Zimmerly Museum (штат Нью-Джерси, США), в других музеях и частных собраниях.

Библиография: автор нескольких книг, а также статей по изобразительному искусству. Автор альбома «Варвара Бубнова» (1984), «Некоторые взгляды Варвары Бубновой на искусство» (1999, Саппоро, на яп. языке); один из авторов публикаций и комментариев к I и II тому «Малевич о себе. Современники о Малевиче» (2004), публикации «О чём молчал Филонов»

(Experiment, Los Angeles, 2005), «Алгебра и гармония Вольдемара Матвея» в сб. Вольдемар Матвей и Союз Молодёжи (2005); книги «Ошибки великих мастеров. Закат реализма» (2008), «Монотипия. Техника монотипии» (2010, совместно с К.В. Безменовой), «Цитаты Ветхого Завета», (Сан-Франциско, США, 2011), «Восток. Восток» (2012).

Живет в Москве.

Михайловская Татьяна – поэт, прозаик, литературный критик.

Сборники стихов: «Вечерний свет» (1982), «Солнечное сплетение» (1995), «То есть» (совместно с Р. Элининым, 1998), «Парад-алле» (2005), «Отражения в воде» (2009), «Земные времена» (2011); сборник рассказов «Ерундопель и другие...» (2009).

Публикации в отечественной и зарубежной периодике: альманахе «Черновик», журналах «Меценат и Мир», «Нева», «Крепцатик», «Арион», «Арагаст», «Кукумбер», «АКТ», газете «Русская мысль», в различных антологиях и сборниках.

Автор выставочного проекта «Дом со стихами» (выставки в Государственном музее В.В. Маяковского (2001), в Государственном музее декоративно-прикладного искусства (2006)).

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Осипова Наталья – поэт, прозаик.

Библиография: «Несколько рассказов и стихотворений» (2001). В коллективных сборниках: «Авторник» (2002, 2005), IX Московский фестиваль свободного стиха. (3-4 мая 2002): Русский верлибр и итоги века. Стихи участников фестиваля. Москва. Московский государственный музей Вадима Сидура (2002). «По непрочному воздуху». По следам XI Московского фестиваля верлибра. Москва. Словацкий институт, 29-30 мая 2004, «Актуальная поэзия на Пушкинской-10: антология» (2009), «Перекрестное опыление. Антология одного стихотворения» (2011).

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Ры Никонова (1942–2014) – поэт, художник, одна из основателей российского мейл-арта.

С 1965 г. участник и организатор независимых выставок авангарда в СССР и за рубежом. Публиковалась в специализированных изданиях по современному искусству в Германии, Австрии, Италии; с 1991 г. – в российской периодике. Организатор и автор (совместно с мужем Сергеем Сигеем) самиздатских журналов «Транспонанс» (1979–1986) и «Дабл» (1991).

Публикации в журналах «Черновик», «Крепцатик», «Urbi» и др. Лауреат Премии Андрея Белого (совместно с С. Сигеем) за 1998 год в номинации «За особые заслуги».

Библиография: «Студент Иисус: Упоительные комментарии» (2001), «Слушайте ушами: Пьесы, проза и пюжмы» (2011).

Сафранский Валерий – поэт, эссеист, фотограф.

Активное участие в деятельности литературного объединения при Хабаровской писательской организации было пресечено совместными силами СП и КГБ и закончилось лагерным сроком.

С 1987 года член московского клуба «Поэзия».

Библиография: «Фрагменты не бытия» (1994) и «Возвращение Нарцисса» (1995).

Публиковался в российской и зарубежной периодике. Лауреат международного фестиваля свободного стиха «Европейский дом» (1989). Участник поэтических антологий. Составитель и автор сборника верлибров «Европейский дом». Автор и организатор коллективной литературной манифестации «уникалистов» совместно с Г. Сапгиром, В. Куприяновым, Н. Искренко, Л. Кропивницким, и др. (1993).

В начале 90-х издавал международный поэтический журнал «Воум!».

Член Союза писателей Москвы. С 1995 г. живет в Германии.

Сигей Сергей (1947–2014) – поэт, прозаик, литературовед, исследователь Авангарда.

Участник многих выставок и фестивалей. Издавал самиздатские журналы «Дабл» и «Транспонанс».

Публикации в журналах в России и за рубежом.

Лауреат премии Андрея Белого за 1998 год в номинации «За особые заслуги» (совместно с Ры Никоновой).

Книги: «Собуквы» (М., 1996), «Армейско-арамейские стихи» (Мадрид, 2001), «Шедеврёз» (Мадрид, 2003), «Драматичи и другие птици» (Мадрид, 2003).

Твердислова Елена – поэт, прозаик, литературовед, переводчик.

Канд. филол. наук. Автор двух поэтических сборников, романа «Рисунок тени», книг о Папе Римском Иоанне Павле II, Чингизе Гусейнове и Филиппе Вермеле, исследований о В. Гавеле и Ф. Горенштейне.

Переводчик с польского сочинений Иоанна Павла II, философии Юзефа Тишнера, прозы М. Хласко, И. Ольчак-Роникер.

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.

Юлина Наталия – поэт, прозаик.

Сборники стихов: «Закатный бес» (2002), «Зеленая луна» (2009); книга прозы «Чужая» (2006). Проза публиковалась также в антологии «Очень короткие рассказы» (2000), сборнике «Литературные страницы» (2007), журнале «Меценат и Мир».

Член Московского союза литераторов. Живет в Москве.